Л. КЛИМОВИЧ

Праздники и посты ислама

ОГИЗ—ГАИЗ
1941

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
СЕКТОР ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА

ЛЮЦИАН КЛИМОВИЧ

EB_1941_AKS_216

ПРАЗДНИКИ И ПОСТЫ ИСЛАМА

Мусульманский календарь,
ураза, ураза-байрам,
курбан-байрам

Под редакцией А. Рановича

ОГИЗ
Государственное антирелигиозное издательство
МОСКВА—1941

2
К—49

В брошюре излагается история основных мусульманских праздников — уразы, ураза-байрама и курбан-байрама — и раскрывается их вред для трудящихся. Брошюра рассчитана на антирелигиозника-пропагандиста.

Предисловие

Ислам, или мусульманство, — одна из наиболее распространенных религий. Последователи ислама, мусульмане, живут главным образом в странах Азии и Африки. Много мусульман живет в ряде республик и национальных областей СССР.

Ислам возник в Аравии в конце VI в. и начале VII в. новой эры, в эпоху возникновения у арабов классового (феодального) общества; сохранив много элементов древних верований арабов, ислам в основном отразил придавленность народных масс социальным гнетом.

Ислам, как и всякая религия, играет реакционную роль. В исламе сохранена «специфически-восточная обрядность», характерное для религий древнего Востока «отделение человека от человека», которое, как указывает Ф. Энгельс, «...было одной из основных причин гибели древнего Востока». «Ислам, — пишет Ф. Энгельс, — сохранив свою специфически-восточную обрядность, тем самым ограничил область своего распространения Востоком и Северной Африкой, завоеванной и вновь заселенной арабскими бедуинами. Здесь он мог стать господствующей религией, но на Западе не мог» [1].

Только возникшая в конце XIX в. в Иране мусульманская секта бехаистов, в значительной мере освободившаяся от «специфически-восточной обрядности» ислама, получила некоторое распространение в Европе и Америке.

Многочисленные мусульманские установления, сохранившие систему «отделения человека от человека» и закрепляющие религиозную обособленность мусульман, облегчили европейским империалистам превращение некоторых стран Востока в свои колонии.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 609.

В системе мусульманской обрядности большое место занимают праздники и посты. Из них особенно большое значение имеют изнурительный тридцатидневный пост («саум», или «ураза») месяца рамазана, праздник окончания поста («ид аль-фитр», или «ураза-байрам»), праздник жертвоприношения («ид аль-азха», или «курбан-байрам») и связанный с этим праздником обычай паломничества в Мекку (хаджж).

По учению ислама, несоблюдение даже части обрядов уразы или одного из праздников — величайший грех.

Пост месяца рамазана, ураза-байрам и курбан-байрам справляются ежегодно мусульманами всех основных направлений и сект ислама: суннитами, шиитами, хариджитами, исмаилитами, ваххабитами и бабидами.

За рубежом праздники и посты ислама, как и установления других религий, используются эксплоататорскими классами в интересах угнетения и принижения трудящихся.

В СССР праздники и посты ислама, как и вообще религиозные предрассудки и обычаи, — один из самых живучих капиталистических и докапиталистических пережитков в сознании людей. Капиталистическое окружение и реакционные элементы внутри нашей страны поддерживают и пытаются оживлять эти вредные пережитки.

Борьба против религиозных праздников, как и вообще борьба против религии,— это борьба за коммунистическое воспитание трудящихся, борьба за коммунизм.

* * *

Праздники и посты ислама мы рассматриваем в той последовательности, какую они имеют в мусульманском календаре.

В названиях мусульманских праздников и постов даны не их арабские наименования, а названия, более употребительные на языках народов СССР. Например, вместо арабского «ид» (праздник) употребляется однозначащее персидское и турецкое «байрам», вместо арабского «саум» (пост)— производное от персидского «руза» — «ураза» и т. д.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СИСТЕМА МУСУЛЬМАНСКОГО КАЛЕНДАРЯ

Система счета времени, принятая в нашем календаре,— не единственная. Существуют и другие системы. В солнечных календарях за единицу счета лет принято время обращения земли вокруг солнца, в других, лунных,— двенадцать обращений луны вокруг земли, считая от новолуния до новолуния. Есть календари, в которых сочетается солнечное и лунное летосчисление.

Наиболее правильными из этих календарей являются те, в которых смена годов и месяцев соответствует периодичности явлений природы. Таков принятый у нас грегорианский календарь: времена года, положение земли по отношению к солнцу и другие астрономические явления приходятся из года в год на одни и те же месяцы и числа. Но существуют и такие календари, которые не согласуются с основными периодами смены явлений природы. В таких календарях лето может оказаться в разные месяцы, осенний месяц может оказаться через некоторое время весенним и т. д. Понятно, что такой календарь вносит большую путаницу в распорядок жизни. Если он еще может применяться в государственных канцеляриях или в поповских учреждениях, то привиться в быту он не может. Поэтому в тех странах, где официально принят такой оторванный от жизни счет времени, существуют еще и неофициальные народные календари, по которым народ и отмечает время своей хозяйственной деятельности.

Принятый в исламе лунный календарь является календарем искусственным.

В противоположность солнечному календарю, насчитывающему в году 365 дней 5 часов 48 минут и 46 секунд,

мусульманский лунный календарь имеет в году всего лишь 354 дня 8 часов 12 минут и 36 секунд, т. е. он короче солнечного на 10 дней 21 час 36 минут и 10 секунд.

Год мусульманского лунного календаря состоит из двенадцати месяцев, имеющих следующие арабские названия: 1) мухаррем, 2) сафар, 3) раби уль-авваль (или раби I), 4) раби уль-ахар (или раби II), 5) джумади уль-авваль (или джумади I), 6) джумади уль-ахар (или джумади II), 7) раджаб, 8) ша'бан, 9) рамадан (рамазан), 10) шавваль, 11) зу-ль-ка'да, 12) зу-ль-хиджже.

В основу каждого из месяцев мусульманского года положен так называемый синодический оборот луны (от слова «синод» — схождение), т. е. время, в которое луна, совершив полный оборот вокруг земли, встанет в прежнее положение по отношению к звездам и к солнцу. За начало месяца принимается момент новолуния, т. е. время появления узкого серпа луны после заката солнца. Время синодического обращения луны равно 29 дням 12 часам 21 минуте и 3 секундам. Так как число дней в этом лунном месяце не целое (более $29\frac{1}{2}$ суток), в мусульманском календаре принято чередовать месяцы, считая в них то 29, то 30 дней. Таким образом, в мусульманском году 6 месяцев имеют по 29 дней и 6 по 30.

Остающиеся при таком чередовании в каждом месяце 21 минута и 3 секунды образуют за год 8 часов 12 минут и 36 секунд. В три года они дают 24 часа 37 минут и 58 секунд, т. е. более чем сутки. Эти сутки прибавляются тогда к последнему месяцу очередного мусульманского года (остающиеся 37 минут 58 секунд мусульманский календарь не учитывает). Такой год называется чрезвычайным. В течение 30 лет таких годов бывает одиннадцать, а именно: 2, 5, 7, 10, 13, 15, 18, 21, 24, 26 и 29 годы.

В чрезвычайные годы мусульманский календарь насчитывает не 354, а 355 дней (месяц зу-ль-хиджже имеет не 29, а 30 дней).

Поскольку мусульманский лунный календарь почти на 11 дней короче солнечного, он ежегодно начинается, считая по солнечному календарю, на 11 дней раньше (в чрезвычайные лунные и в високосные солнечные годы эта разница уменьшается или увеличивается на один день). Таким образом, все месяцы мусульманского календаря проходят в 33 лунных или 32 солнечных года все числа солнечного календаря.

Так, если, скажем, месяц рамазан в какой-нибудь год совпал с январем, то через три года он придется уже на декабрь, затем на ноябрь, октябрь и т. д. и только через 32 года опять совпадет с январем.

Накопляющаяся ежегодно разница в 10—12 дней между лунным и солнечным годами за 32 года образует целый год. С того времени, с которого мусульмане ведут свое летосчисление, а именно с 16 июля 622 г., прошло 1 318 лет; за это время набежала разница в целых 40 лет, и мусульмане считают, что у них идет сейчас не 1319, а 1359 год.

Отсюда понятно, что дату мусульманского календаря нельзя узнать путем простого вычета из годов новой эры цифры, принятой за начало мусульманского летосчисления (16 июля 622 г.).

Чтобы перевести дату новой эры на дату мусульманского календаря, следует поступить так:

1. Вычесть из данного года новой эры цифру 622.
2. Полученный остаток разделить на 32.
3. Полученное частное прибавить к остатку.

Возьмем, например, 1940 год.

1. $1940 - 622 = 1318$.
2. $1318 : 32 = 41\ {}^{6}/_{32}$.
3. $1318 + 41\ {}^{6}/_{32} = 1359\ {}^{6}/_{32}$.

1940 году новой эры соответствует 1359 год мусульманского летосчисления.

Дроби не имеют здесь большого значения; их можно откидывать, если они меньше половины (как в приведенном примере) и увеличивать до единицы, если они больше половины.

Для перевода даты мусульманского летосчисления на год принятой у нас солнечной эры надо:

1. Разделить данный мусульманский год на 33.
2. Полученное частное вычесть из цифры данного года.
3. К полученному остатку прибавить 622.

Возьмем, например, 1328 год.

1. $1328 : 33 = 40\ {}^{8}/_{33}$ (дробь меньше половины, поэтому ее откидываем).
2. $1328 - 40 = 1288$.
3. $1288 + 622 = 1910$.

Следовательно, 1328 год мусульманского летосчисления соответствует 1910 году новой эры. Он начался 13 января 1910 г. и кончился 1 января 1911 г.

Чтобы перевести точно известные числа месяца мусульманской эры в новое солнечное летосчисление и наоборот, необходимо дополнительно к этому знать, на какое число календаря приходится начало искомого мусульманского или солнечного года. Для выяснения этого обычно составляются специальные таблицы, в которых годы мусульманского летосчисления (или наоборот) переводятся на числа новой эры (или обратно), начиная с первого года календаря ислама.

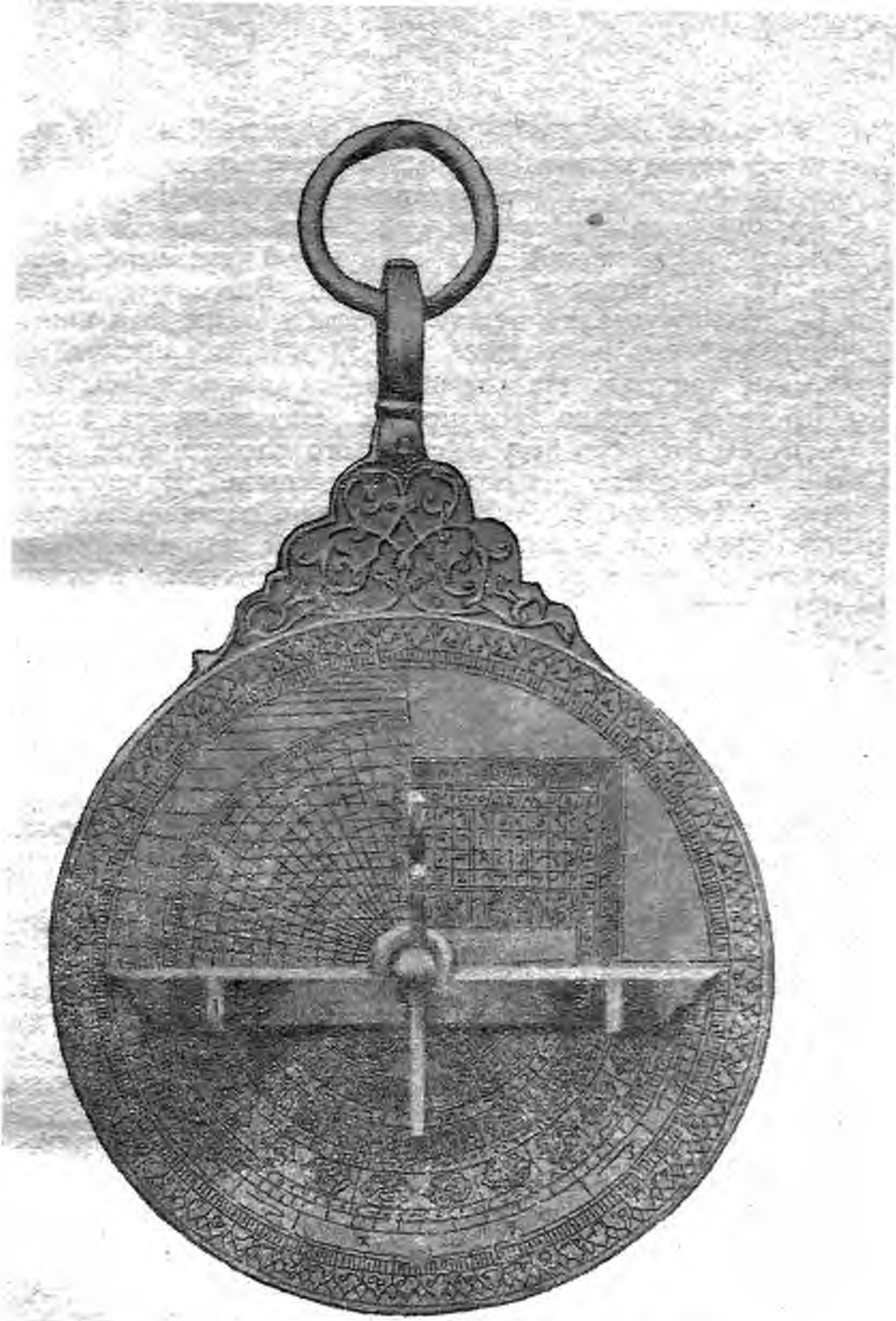
Праздники и посты ислама также приурочены к мусульманскому лунному календарю и могут совпасть с разными числами нашего календаря. Ураза может быть и в январе и в июле. Для того чтобы узнать, в какое время по нашему календарю приходится тот или иной мусульманский праздник, надо произвести сложные вычисления или прибегнуть к готовым таблицам. Произведя такое вычисление, найдем, например, что в 1939 г. курбан-байрам (10 зу-ль-хиджже) начался 31 января, ураза (1 рамазана) — 15 октября и ураза-байрам (1 шавваля) — 14 ноября; в 1940 г. (год високосный) они же последовательно начинались 21 января, 3 октября и 2 ноября; в 1941 г. курбан-байрам будет два раза — 9 января и 29 декабря, ураза начнется 22 сентября, а ураза-байрам — 22 октября.

Такой подвижной календарь, числа которого в течение 32 солнечных лет совершают полный годовой кругооборот, крайне неудобен. Им нельзя руководствоваться ни для наблюдения явлений природы, ни для регулирования хозяйственной и бытовой жизни человека.

Зачем же был установлен такой неудобный для народа календарь, кто и почему в нем заинтересован?

Для выяснения этого обратимся к истории календаря у народов доисламской Аравии.

Древние арабы, как и многие другие народы, ведшие кочевой образ жизни и руководствовавшиеся наблюдениями за изменением фаз луны для определения времени своих передвижений и других хозяйственных мероприятий, имели лунные календари. Смена чисел этих календарей приводилась в соответствие с периодичностью явлений природы; их лунное летосчисление было приспособлено к жизни человека. Это достигалось путем ежегодного прибавления к отдельным числам лунного календаря дополнительных дней или путем вставки раз в три года дополнительного тринадцатого месяца.



Средневековая арабская астролябия. С помощью этого сложного астрономического инструмента производились календарные вычисления по мусульманской эре

У арабов Западной Аравии (область Хиджаз) тринадцатый месяц вставлялся обычно в конце года, перед месяцем мухарремом. Тогда мухаррем переносился на место следующего за ним сафара, сафар —на место раби I, и т. д. Месяц, переносившийся на следующий, назывался «ан-наси», т. е. месяцем отложенным. Благодаря добавочному месяцу разница между лунным и солнечным календарем колебалась в пределах 10—30 дней, а примерно через каждые три года эта разница вовсе сглаживалась.

Вставка тринадцатого месяца производилась, конечно, не путем строгого астрономического расчета, а на основании многолетнего практического опыта. В крупнейшем центре Хиджаза, г. Мекке, был даже специальный хранитель племенных календарных традиций, который объявлял народу о вставке дополнительного месяца. Должность этого лица была наследственной и считалась весьма почетной и ответственной.

Дело в том, что у арабов домусульманской Западной Аравии ежегодно в числе месяцев было четыре «запретных», т. е. таких, во время которых запрещалось вести войны, устраивать нападения друг на друга, грабить торговые караваны и т. п. Такими месяцами считались шавваль, зу-ль-ка'да, зу-ль-хиджже и мухаррем. Почитался «священным» и месяц раджаб. Введение дополнительного тринадцатого месяца после зу-ль-хиджже нарушало последовательность «запретных» месяцев, что могло иметь большое хозяйственное значение.

Объявление о введении дополнительного месяца давалось в Мекке в дни праздника жертвоприношения, во время которого к мекканским «святыням» приходили арабы соседних и зависимых от Мекки племен. Одновременно с этим праздником в Мекке устраивалась ярмарка.

Мусульманский автор Джаухари (ум. около 1000 г.), говоря о праздновании доисламскими арабами праздника жертвоприношения, пишет, что в то время, когда хаджжии (паломники) возвращались после приношения кровавых жертв своим богам из долины Мина близ Мекки, один человек из потомства Кинаны вставал и говорил, что он то лицо, воля которого должна быть исполнена. Тогда народ просил его перенести «запретность» мухаррема на место сафара. Просили об этом арабы, как замечает Джаухари, потому, что непрерывная трехмесячная «запретность» воен-

ных походов являлась серьезной помехой для их жизненных интересов.

Выслушав арабов, потомок Кинаны переносил «запретность» мухаррема, т. е. объявлял о вставке тринадцатого месяца. Это право предоставлялось Кинане и его роду, как имеющим общение с богами, добрыми и злыми духами. Вся эта «календарная» церемония освящала родовые отношения, укрепляла авторитет старейшин и родовладык.

О том же сообщает и автор XII в. аш-Шахрастани. Говоря о доисламских арабах, он замечает, что «были из них такие, которые откладывали святые (запретные) месяцы; были и такие, которые через два года вставляли (дополнительный) месяц; а также были из них такие, которые вставляли через три года месяц. Когда они совершали хаджж (паломничество в Мекку на праздник жертвоприношения. — *Л. К.*) в известный месяц года, то не считали за грех прикладывать день ко дню тервия, дню Арафата и дню жертвоприношения», т. е. к дням различных обрядовых церемоний праздника жертвоприношений, и т. д.

О существовании этого обычая говорит и «священная» книга мусульман, коран, произведение VII в. н. э. 36-й аят (стих) 9-й суры (главы) корана гласит: «Действительно... у бога двенадцать месяцев... Из них четыре запретные: это — неизменный устав; потому в течение их не делайте зла себе самим. В другие все воюйте с многобожниками так же, как они все воюют с вами, и знайте, что бог с богобоязливыми».

Но поддерживая доисламскую традицию о ежегодных четырех запретных месяцах, коран здесь же выступает против переноса их на другие месяцы. Тем самым коран выступает против вставки дополнительного месяца, приводившего лунный календарь в соответствие с астрономическим солнечным годом.

В коране говорится о запретных месяцах: «Перенос их на другие — есть крайнее неверие; им вводятся в заблуждение только неверные: они считают его (месяц, очевидно, мухаррем.— *Л. К.*) простым в один год и считают запретным в другой год, чтобы согласовать себя (свои нужды) с тем временем, которое считать запретным повелел бог: таким образом они делают простым то, что бог повелел считать запретным. Они обольщаются злыми делами своими; бог не руководитель людей неверных» (гл. 9, ст. 37).

Таким образом, коран осуждал старые календарные тра-

диции его политических противников, защитников старо-арабского родового строя. Отражая идеологию возникающего феодального общества, коран боролся против родовых установлений, однако отбросить совершенно лунный древнеарабский календарь авторы корана не решались. Об этом говорят слова корана о том, что месяцев действительно 12, но только дополнительных месяцев аллах-де признать не может.

Это положение корана стоит в связи с рядом других уступок древнеарабским обычаям. Ислам воспринимал многие верования и обряды древнеарабского многобожия, но объяснял их по-своему. Он объявлял древних арабов заблудшими «рабами аллаха», людьми, исказившими подлинное слово бога, которое якобы неоднократно открывалось им (как и всем другим народам) через пророков. В вставке регулирующего дополнительного месяца к лунному году коран нашел именно такое «искажение».

Календарь, признанный кораном, был узаконен арабским государством, халифатом. Халифату, как классовой организации политической и административной государственной власти, практически необходимо было ввести общий для всех мусульман календарь.

Ставшие подвластными халифату различные арабские племена единого календаря не имели: одни вели счет лет от «года разрешения», другие — от «года землетрясения», третьи — от «года прощения», четвертые — от «года слона» и т. д. У народов, с которыми халифат столкнулся во время начатых в половине VII в. завоевательных войн, календари были также разные, иранцы (персы) имели свой счет лет (последним у них был «иездегердовский» календарь, начинавшийся с 16 июня 632 г., т. е. со дня восшествия на престол Иездегерда III, последнего царя правившей в Иране династии Сасанидов). В Византии широкое распространение имела селевкидская эра, начало которой — 1 октября 312 г. до новой эры. В Византии вводился также христианский календарь.

Особенную популярность среди обращенных в ислам арабов Западной Аравии имела эра «года слона», связывавшаяся с памятным для арабов нападением чужеземцев (абиссинцев-эфиопов) на Мекку и их гибелью (в половине VI в. н. э.). Событие это было отражено во многих легендах, являвшихся свидетельством пробудившегося у арабов стремления ко взаимному политическому объединению. Но

эта дата была связана с родоплеменным строем, и халифы совсем не были заинтересованы в ее поддержке. Им нужен был новый календарь, который бы не связывал, а отрывал арабов-мусульман от их старых родовых привычек, обычаев и культов. Встал вопрос о введении новой, мусульманской эры.

По мусульманской традиции, уже во времена халифа Абу-Бекра (632—634 гг.) государственный чиновник в Йемене Йала ибн-Омейя применял новое летосчисление. В других рассказах мусульманских писателей о начале эры ислама говорится, что она установлена при халифе Омаре (634—644 гг.).

Рассказывается, что, когда халиф Омар приводил в порядок управление финансами и был занят реестрами и податными установлениями, ему сделали замечание, почему он вообще ничего не датирует. Согласно одной легенде, Абу-Муса аль-Ашари написал Омару: «Ты пишешь нам письма без даты». Тогда в целях установления государственного календаря было предпринято изучение обычаев греков и иранцев. В результате изучения и сбора мнений окружавших халифа чиновников и других лиц было принято решение об установлении своей, новой эры. Для начала новой мусульманской эры были предложены разные даты. Некоторые якобы предложили отнести начало мусульманской эры к рождению Мухаммеда, но эта дата не была точной (даже по легенде); тогда будто бы Али, впоследствии халиф (656—661 гг.), предложил считать началом летосчисления хиджру, т. е. год переселения или бегства Мухаммеда из Мекки в Медину, так как она обозначает начало пророческого управления. Это предложение Али и было принято.

Таким образом, и по мусульманским легендам, установление мусульманской эры было вызвано практическими целями.

Выбор хиджры эпохой летосчисления не был случаен. Принятие за начало мусульманской эры года «рождения пророка аллаха» было бы равносильно восстановлению старого родового календаря тех арабов-многобожников, которые вели счет лет от «года слона»; ведь по легендам, Мухаммед родился также в «год слона». Признание началом мусульманской эры года хиджры оказалось более приемлемым. Это событие в легендах ислама было связано с рассказом о Мухаммеде как примирителе враждовавших

арабских племен Медины. Рассказ имел поучающий характер: он требовал «во имя аллаха» уничтожения родовой и племенной вражды между арабами, т. е. проводил идеи, выгодные руководителям халифата. В этот период начинались завоевательные войны арабов, и руководивший ими халифат был заинтересован в ликвидации раздоров между отдельными арабскими родами и племенами. Кроме того, рассказ о хиджре отстаивал и утверждал власть общины мусульман города Медины, того ядра, из которого первоначально сложилась верхушка халифата.

Однако дата начала мусульманского календаря не вполне совпадает с принятой в исламе датой хиджры. Эпоха мусульманского календаря есть 16 (точнее 15) июля 622 г. н. э., тогда как датой хиджры, т. е. времени, когда, по мусульманскому преданию, посланник аллаха переселился из Мекки в Медину, по разным мусульманским легендам, является день 14, 20 или 24 сентября того же 622 года.

Все эти даты исторически не обоснованы.

Мусульманское духовенство в подтверждение «истинности» этих дат приводило часто им же самим сочиненные легенды. Так, чтобы доказать, что время хиджры приходится не на 14 или 24, а на понедельник 20 сентября (8 раби I) 622 г. н. э., мусульманские богословы сфабриковали текст, в котором говорится, что будто бы посланник аллаха Мухаммед считал избранным днем понедельник; кто-то якобы однажды спросил Мухаммеда: почему он любит понедельник? Посол бога ответил: «В этот день я родился, в этот день я получил пророческое откровение и в этот день я переселился», т. е. совершил хиджру. Этот текст, поддерживавший в людях веру в магические свойства отдельных дней недели, до сих пор широко пропагандируется муллами среди верующих.

Затем сфабриковавшие это «изречение» теологи стали искать подходящие понедельники для определения времени упомянутых в их легендах событий. 8 раби I 622 г. оказалось одним из таких понедельников. Никаких более авторитетных данных о правильности эпохи хиджры мусульманские историки не знают.

Так обстоит дело и с большинством других «исторических» дней ислама...

Принятие исламом своего летосчисления объяснялось, как мы уже говорили, в первую очередь практическими соображениями.

Халифы пользовались этим календарем как одним из средств противодействия смешению арабов-завоевателей с побежденными народами. Отличный от календарей других народов, мусульманский календарь (по которому обозначались праздники и посты ислама) способствовал сохранению арабской обособленности вне Аравии. Вместе с тем введение мусульманского календаря в известной мере отрывало принимавшие ислам неарабские народы от их старых верований, старого быта и т. д.

Однако вытеснить совершенно солнечные календари мусульманский передвижной лунный календарь не смог. Народы, среди которых распространялся ислам, остались верны своим солнечным (земледельческим) или лунным, но с регулирующими вставными месяцами (кочевническим), календарям.

В дошедших до нас таких официальных документах, как расписки в получении поземельной подати (харадж), рядом с датой мусульманского календаря обычно проставлялось время по солнечному (или с ним согласованному лунному) календарю. Так было не только в первые века ислама, но и позднее.

В горах Таджикистана, по свидетельству А. А. Семенова, посетившего в 1901 г. Зеравшанские горы, Каратегин и Дарваз, «неизвестно лунное счисление» ислама. Его здесь «придерживаются лишь муллы». Все местное население «следует солнечному счислению, введенному на Востоке в XI в. сельджукским султаном Малек-шахом и позаимствованному у китайцев. По этому счислению год считается от одного весеннего равноденствия до другого и состоит из 12 месяцев, каждый в 30 дней; недостающие 5 дней прибавляются к последнему месяцу. Года распределяются по циклам; каждый цикл заключает в себе 12 лет, которые следуют у горцев-таджиков в таком порядке: 1-й год мыши (соли-муш), 2-й год быка (соли-бакар), 3-й год леопарда (соли-паланг), 4-й год зайца (соли-харгуш), 5-й год крокодила (соли-нахонг), 6-й год змеи (соли-мор), 7-й год лошади (соли-асп), 8-й год барана (соли-гуспанд), 9-й год обезьяны (соли-хамдуна), 10-й год курицы (соли-мург), 11-й год собаки (соли-саг) и 12-й год свиньи (соли-хук)...».

То же можно наблюдать во многих других местах распространения ислама.

В Хорезме до 1920 г. существовало, кроме мусульман-

ского лунного календаря, два солнечных календаря: официальный и крестьянский. Месяцы обоих этих календарей именовались по знакам зодиака. Крестьянский календарь на месяц опережал официальный, так что, например, крестьянский месяц «мизан» (весы) соответствовал официальному «сумбуле» (дева) и т. д. В хозяйственной жизни крестьяне руководствовались своим неофициальным календарем.

Праздников нового года (науруз) в Хорезме совершалось два: один — местный, именуемый царским (науруз-и хорезмшахи), а другой — бухарско-иранский, на месяц отставший от первого. Хивинская легенда наивно объясняла происхождение царского, официального науруза. Рассказывалось, что, выехав однажды при прекрасной погоде на охоту, хорезмшах Мухаммед (XIII в.) воскликнул: «Науруз!». В знак того, что царь не может ошибаться, тогда якобы было объявлено начало нового года, хотя в действительности до науруза оставался еще целый месяц.

Упомянутые здесь месяцы — мизан, сумбуле — арабские названия знаков зодиака, принятые у целого ряда народов «мусульманского» мира для обозначения месяцев года их солнечных календарей.

Названия месяцев по этому солнечному календарю такие: 1) хамаль (овен), у большинства народов соответствует марту; 2) саур (телец), соответствует апрелю; 3) джауза (близнецы) — маю; 4) саратан (рак) — июню; 5) асад (лев) — июлю; 6) сумбуле (дева) — августу; 7) мизан (весы) — сентябрю; 8) акраб (скорпион) — октябрю; 9) каус (стрелец) — ноябрю; 10) джедде (козерог) — декабрю; 11) дельви (водолей) — январю; 12) хут (рыбы) — февралю.

Есть и ряд других систем календарей, солнечных или лунных, но согласованных с явлениями природы и с жизнью человека, которыми руководствуются в странах распространения ислама. Официальный же мусульманский календарь навязан этим народам сверху и лишь затрудняет людей в их календарных расчетах.

Факт существования в некоторых местах распространения ислама в СССР пережитков старых зодиакальных календарей враги народа пытались использовать во вред трудящимся. Чтобы запутать и сорвать дело своевременного составления исчерпывающих списков избирателей в Верховный Совет Союза ССР, последыши пойманных с поличным подлых врагов народа, троцкистов, бухаринцев и бур-

EB_1941_AKS_216

жуазных националистов, составили в Таджикистане «таблицу по определению возраста» избирателей по циклическому летосчислению, с перечислением всех зодиакальных наименований («Правда» от 25 ноября 1937 г.).

В быту, в хозяйстве, во всей своей государственной жизни народы СССР давно уже руководствуются не зодиакальными и тому подобными календарями, а современным солнечным календарем, научно обоснованным, согласованным с периодичностью явлений природы.

В 1926 г. новый стиль был введен в Турции, в 1928 г. — в Египте. В Иране в 1925 г. также введен календарь, соответствующий солнечному летосчислению.

УРАЗА

Происхождение уразы

Согласно учению ислама, пост месяца рамазана — «божественное» установление. В дни рамазана будто бы аллах с помощью ангела Джебраиля (архангела Гавриила) передавал своему посланнику Мухаммеду «священную» книгу коран. Мусульмане слепо верят этой сказке. Мусульманское духовенство, как вообще духовенство всех религий, утверждает, что обряды исповедуемой им религии установлены богом.

Дошедшие до нас исторические свидетельства показывают, что мусульманский пост месяца рамазана существовал у народов древней Аравии еще до появления ислама; но в исламе он получил новую окраску и объяснение. Если доисламские верования арабов и других народов Аравии отражали в основном их бессилие в борьбе с природой, то ислам, религия классового общества, имел, главным образом, социальные корни и служил интересам власти феодалов и купцов. В частности, пост месяца рамазана в исламе был связан с именем мусульманского «пророка» Мухаммеда, культ которого служил делу обожествления эксплоататорской власти арабских халифов.

Установление поста в исламе вообще не являлось в истории религии арабов нововведением. Арабы соблюдали посты и раньше, до ислама. Так, аль-Макризи, историк XV в., свидетельствует, что арабы-многобожники соблюдали пост в месяц раджаб, который считался «священным». Коммен-

татор XIII в. Бейдавий в толковании одного места корана замечает: «Рассказывают, что бену-Амир (древнеарабское племя) в дни их паломничества (хаджжа) не ели пищи за исключением того малого количества, которое необходимо для поддержания жизни, а также не ели жирных кушаний и вследствие этого превозносили свое паломничество».

В примечаниях к сборнику древнеарабской поэзии «Хамаса» («доблесть», «мужество») находим указание, что арабы до ислама, когда на них лежала обязанность мести за убитого, «не употребляли благовоний, не имели супружеских отношений с женой, не пили вина и не принимали участия в удовольствиях».

Это же подтверждает и письменный памятник раннего ислама, коран, 179-й стих 2-й главы которого говорит: «Верующие! Вам предписан пост, как он предписан был тем, которые были прежде вас... в определенные числом дни».

Коран предписывает посты по различным поводам.

Например, запрещая убивать «изловленное на охоте» одетому в «запретную одежду», т. е., очевидно, в одежде паломника («ихрам») во время хаджжа, коран указывает, что нарушивший это постановление должен «оплатить соразмерно тому, что убил он, каким-либо домашним скотом... или... накормить нищих, или заменить это постом для того, чтобы он знал законопреступность своего поступка» (гл. 5, ст. 96). Также и убивший нечаянно верующего и не имеющий возможности искупить свой поступок путем «уплаты полного выкупа за убитого родственникам его и предоставления свободы верующему рабу», по корану, должен «поститься два месяца, подряд один за другим, принося покаяние богу» (гл. 4, ст. 94). Такой же срок предлагается поститься и тому, кто, дав своей жене развод, пожелал бы потом вновь восстановить с ней брачные отношения; «касаться ее» в это время он не имеет права (гл. 58, ст. 4—5). Как наказание за «празднословие в клятвах» коран также предписывает «поститься три дня» (гл. 5, ст. 91).

«Пост или милостыня, или другие какие-либо дела благочестия» предписываются кораном и тому, кто по причине болезни не может исполнить обязанности «торжественного праздника», т. е. курбан-байрама, в Мекке (гл. 2, ст. 192). Поститься следует и тому, кто не принес в этот праздник жертвенного животного (там же; также гл. 17, ст. 27).

Во всех этих случаях коран говорит о посте как о чем-то давно всем известном и привычном.

На развитие у арабов поста как религиозного обычая некоторое влияние, повидимому, оказали иудаизм и христианство, задолго до возникновения ислама распространившиеся в ряде мест Аравии. Так, употребляемое кораном (и рядом других источников) в качестве обозначения поста слово «саум» является заимствованием из древнееврейского языка.

Более того: изучение распространенных в Аравии религиозных культов показывает, что и до ислама были религиозные установления, подобные мусульманскому посту месяца рамазана.

Коран говорит о посте рамазана так: «Месяц рамазан есть тот месяц, в который ниспослан вам коран, в руководство людям, в объяснение того руководства и различения добра от зла. Кто из вас в этот месяц находится дома, тот в продолжение его должен поститься, а кто будет болен или в путешествии, тому такое же число дней поститься в другой месяц. Во время ночи поста разрешается вам совокупление с женами вашими. В это время сообщайтесь с ними и ищите того, что предписал для вас бог. Ешьте, пейте до тех пор, пока вам нельзя будет различить белую нить от черной нити (т. е. до зари, пока будет темно. — *Л. К.*). От зари же и до ночи исполняйте пост; не сообщайтесь с ними (с женами. — *Л. К.*), предавайтесь благочестивым думам в мечетях. Таковы уставы божии и не покушайтесь нарушать их» (гл. 2, ст. 181 — 183).

Подобные установления были и в религиях доисламской Аравии. Например, пост, очень сходный с мусульманским, выполняли в доисламской Аравии жившие там сектанты манихеи и харранейцы. Так, у манихеев было установлено, что, когда начинает светить луна, а солнце стоит в созвездии Водолея и прошли 8 дней месяца, нужно начинать поститься в течение 30 дней. Пост этот должен прерываться при каждом заходе солнца. У харранейцев надо было поститься в честь луны 30 дней после 8 адара. Требование воздержания от еды и питья днем было связано у них с культом луны. В знак почитания луны они разрешали себе в это время еду и питье лишь ночью.

Как показывают источники, лунный месяц рамазан еще до ислама у арабов считался запретным, или «священным». Он был первым месяцем тогдашнего неподвижного лунно-

го календаря арабов и как-раз та ночь рамазана (аль-кадр), которая считается в исламе благословенной (аль-лайлат-аль-мубарак), начинала первый день их нового года.

Отсюда ясно, что не ислам устанавливал «святость» рамазана.

Так же, как и кыбла Мекки (т. е. направление, к которому должно быть обращено лицо мусульманина во время молитвы) или обычай паломничества (хаджж) в месяц зуль-хиджже, пост месяца рамазана представляет наследие доисламских культов Аравии.

Становище бедуинов

Но мусульманский пост месяца рамазана не является простым механическим перенесением в ислам установлений этих религиозных культов. Они оказали лишь влияние на выработку учений и обрядов мусульманской уразы.

Превращение арабо-«языческого» рамазана в мусульманский пост произошло постепенно. Вот что говорят об этом арабские источники.

Автор конца VIII в. и начала IX в. аль-Вакыди сообщает, что в 14 году хиджры (636 г. н. э.) «халиф Омар ибн-аль-Хаттаб (634 — 644 гг.) постановил, что люди должны совершать так называемый аль-кийам-фи-ль-масаджид (т. е. произносить молитву ночью сообща) в течение месяца рамазана в Медине, и передал тот же самый приказ всем представителям в провинциях». Историк XIII в. Ибн-аль-Асир прибавляет к этому: «И собрал верующих в пятницу под руководством Убейи ибн-Ка'ба». А автор IX—X вв. аль-Якуби, подтверждая то, что рассказал аль-Вакыди, до-

бавляет, что Омар приказал Убейи ибн-Ка'бу и Тамиму ад-Дари руководить молитвами верующих (в Медине); некоторые заметили ему, что пророк никогда не делал этого и что даже Абу-Бекр (халиф, 632—634 гг.) этого не позволял. На это замечание халиф ответил: «Если это нововведение, то нет нововведения более хорошего, чем это».

Таким образом, старые арабские авторы говорят о постепенности усвоения исламом культовых установлений месяца рамазана. В 14-м году хиджры эти установления лишь начинали вводиться.

Интересные сведения об этом дает и историк XII в. Ибн-аль-Джаузи. Изложив рассказанное аль-Вакыди, он разъясняет: «В 14-м году хиджры халиф Омар предписал совершать аль-кийам-фи-ль-масаджид (ночные молитвы) сообща в мечети в течение месяца рамазана. Он написал в разные провинции, приказывая мусульманам делать то же самое.

Абд-ар-Рахман ибн-Абд-аль-Кари сообщает, что сопровождаемый им халиф Омар вышел в обход в одну из ночей месяца рамазана и заметил, что люди молились в мечети уединенно, отделившись друг от друга. Это вызвало у халифа мысль: «Если мы их соединим под (руководством) одного чтеца, то это будет более удобно». Тогда,— заключает Ибн-аль-Джаузи,— он соединил всех их (под руководством) Убейи ибн-Ка'ба. Приказ был отправлен в провинции». У известного мусульманского автора IX в. аль-Бухари, после изложения вышеприведенной по Джаузи истории, указано об Абд-ар-Рахмане ибн-Абд-аль-Кари, что «затем он вышел с ним (т. е. с халифом Омаром) в другую ночь. И люди молились следуя молитве своего чтеца. Тогда Омар воскликнул: «Какое хорошее нововведение. Эта (часть ночи) и та, которую проводят во сне без нее (т. е. не исполняя молитвы),— превосходнее той части ночи, которую проводили бодрствуя». Он намекал на (превосходство) последней части ночи, между тем (в прошлом) люди имели обыкновение бодрствовать в первую часть».

Таким образом, установлением мусульманских обрядов поста месяца рамазана лишь несколько видоизменялись обряды, бывшие раньше в употреблении у арабов.

Древнеарабское происхождение поста месяца рамазана подтверждает и «праздник перерыва» — «ид-аль-фитр» или «аль-ид-ас-сагир», т. е. «малый праздник», который наступает в первый день следующего за рамазаном месяца шав-

валя. Почитание доисламскими арабами этого месяца как «священного», так же как и принятые у них культовые церемонии, связанные с его почитанием, засвидетельствованы источниками.

Однако до ислама пост месяца рамазана всегда приходился на одно и то же время года. Вероятнее всего рамазан в неподвижном календаре арабов до ислама приходился на середину лета. Это подтверждает изучение времени совершения других обрядов древнеарабского культа, а также не лишенный вероятия филологический анализ слова «рамазан». Термин рамазан происходит от арабских слов «рамад харр», означающих сильный жар, знойное время.

Знойное лето в Аравии (особенно к его концу)—наиболее тяжелое в хозяйственном отношении время года.

Этот период вынуждал арабов к известному воздержанию в отношении пищи: запасы были невелики, а дождь мало возможен. В связи с этим у арабов были даже установлены молитвы о ниспослании дождя — «истиска» [1]. Во время нестерпимого солнечного зноя днем всякая жизнь замирает. Арабы условиями климата своей родины вынуждены перенести свою работу на ночь. Мейдани приводит наставление арабов: «Совершай путь твой при луне».

Значение ночи как важного времени для хозяйственной жизни древних арабов-кочевников определило собой то, что среди их божеств мы находим и ночные светила: луну, планеты, звезды.

Одно из передаваемых аль-Бухари преданий (связанных с легендами о Мухаммеде) ясно говорит о почитании древними арабами, наряду с солнцем, луны и звезд. «Абу-Хурайра передавал, — говорит аль-Бухари, — что народ спросил пророка: «Посланник божий, увидим ли мы бога в день воскресения?». Мухаммед отвечал: «Сомневаетесь ли в полнолунии, которого не скроет никакое облако?». Они сказали: «Нет». Потом он продолжал: «Сомневаетесь ли вы относительно солнца, которого не скроет никакое облако?». Они сказали: «Нет». Потом он продолжал: «Так вы увидите его, когда люди восстанут в последний день, и он тогда скажет: «Пусть каждый следует за тем, чему он (при жизни) молился». Тогда часть последует за солнцем,

---

[1] Молитвы эти усвоены и исламом. Мусульманами они также совершаются в магических целях, чтобы вызвать дождь.

часть за луной и часть за тавагутами», т. е. идолопоклонниками [1].

Предпочтительное молитвенное бдение древних арабов в первую часть ночей месяца рамазана, падавшего на время жары и наибольших ожиданий дождя, имело первоначально значение обращения к богам с молитвой о ниспослании дождя. Дождь, как мы уже говорили, был древним арабам в это время особенно необходим [2]. Хозяйственный год был на исходе, всякие запасы кончались. Знойное солнце выжгло подножный корм для скота. Бодрствуя первую часть ночи, арабы молились в это время своим богам, прося у них ниспослания дождя. А молясь и ожидая дождя, арабы устанавливали запрет на принятие пищи и питья в течение дня.

Итак, обычаи мусульманского поста месяца рамазана были определены, в конце концов, производственно-хозяйственной жизнью древних арабов, низким уровнем их производительных сил, бессилием в борьбе с природой. Дневные запреты на пищу и ночные бдения в период жары должны были, по верованиям арабов, умилостивить богов. Руководили этими молитвенными бдениями у древних арабов жрецы и жрицы. Особое значение придавалось участию в молитве родовладык и вождей племен, власть которых освящалась и закреплялась религиозными установлениями древнего поста.

Заимствовав этот пост древних арабов, ислам, с установлением мусульманского лунного календаря, искусственно оторвал его от ранее связанного с ним и определявшего его хозяйственного момента. Соответственно передвижке всего мусульманского календаря этот пост стал каждый год приходиться на 11 дней раньше предыдущего года.

С распространением ислама среди неарабских народов на пост месяца рамазана был перенесен ряд местных культовых установлений. Этим объясняется тот факт, что ча-

---

[1] Вероятно, здесь подразумеваются христиане, почитающие иконы. В этом смысле сирийское (арамейское) слово «тагут» очевидно употреблено и в коране (гл. 4, ст. 54).

[2] Рек в Аравии нет, только после обильных дождей образуются бурные потоки. Но русла их быстро высыхают. Искусственное же орошение в Аравии было развито лишь в немногих местах (главным образом на юге и юго-западе) и в крупных размерах существовало сравнительно недолго.

сто в том или другом месте распространения ислама мусульмане выполняют в пост месяца рамазана особые обряды.

Эксплоататорская сущность и реакционная роль уразы

Богословы ислама создали литературу, в которой подробно расписали все культовые установления месяца рамазана. Мусульманский теолог аль-Газали (ум. в 1111 г.), о книге которого «Восстановление божественных наук» благочестивые мусульмане говорили, что если бы ислам погиб, то его можно было бы восстановить по этому сочинению, писал, что пост месяца рамазана — «верное средство к усмирению страсти». Так древний варварский обычай получает новое обоснование в духе классово-эксплоататорской морали.

Ислам выработал крайне тяжелые условия исполнения мусульманами поста месяца рамазана. Соблюдение их вредит здоровью человека. Однако малейшее нарушение этих условий считается тяжким грехом.

По мусульманскому учению, исполняющий пост не имеет права есть, пить, купаться, курить и т. д. Нарушением поста считается всякий поступок, который может быть понят как стремление к неисполнению этих предписаний. По словам богословов ислама, если верующий, исполняющий пост, втянет в себя снежинку или капля дождя попадет ему в рот и он не постарается тотчас от них избавиться, то пост будет считаться нарушенным. Верующий должен быть в таком случае наказан. То же произойдет, если он нечаянно проглотит муху или какое-либо другое насекомое.

Пост будет считаться нарушенным и в том случае, если верующий захочет вымыться и будет наливать себе полные ладони воды. Согласно учению мусульманских богословов, вода эта может проникнуть внутрь тела, достигнуть желудка, и пост сразу же будет нарушен.

Ислам запрещает оказывать постящемуся медицинскую помощь. По учению мусульманских богословов, нельзя во время уразы принимать лекарства внутрь. Нельзя даже прикладывать лекарства к ране. Запрещается нюхать цветы, вдыхать что-либо душистое и т. д.

В дни уразы мусульманское духовенство предлагает верующим целиком посвятить себя мыслям об аллахе.

В это время мусульманское духовенство произносит в мечетях проповеди (хутба), в которых проводит мысли о незыблемости эксплоататорского общества, неравенства, угнетения человека человеком. «Мы,— говорится людям от имени аллаха в коране,— раздаем им жизненные потребности в этой жизни, возвышаем одних над другими в степенях, так что одни из них держат других подвластными себе невольниками» (гл. 43, ст. 31).

В память о том, что якобы во время месяца рамазана аллах передавал через ангела Джебраила своему посланнику Мухаммеду коран, муллы предлагают верующим во время уразы усиленно читать эту «священную» книгу. Правда, большинство мусульман не понимает корана, так как не знает арабского языка, на котором написана эта книга. Даже те мусульмане (не-арабы), которые окончили религиозную школу (мактаб), лишь механически повторяют заученные фразы корана или так же механически читают его отдельные слова, но смысла прочитанного обычно не понимают. Мусульманским церковникам, как и служителям прочих религий, нужны безвольные рабы, безропотно исполняющие приказания эксплоататоров. Именно поэтому муллы ставят в пример верующим известного мусульманского мракобеса VIII в., основателя крупнейшей богословской юридической школы (мазхаб) ислама имама Абу-Ханифу, в течение одного месяца рамазана прочитавшего будто бы весь коран подряд 61 раз.

Содержание корана, как и всех молитв и проповедей мусульманского духовенства, внушает верующему идеи, враждебные интересам трудящихся.

Действительно, о чем учит ислам? Само слово это, обозначающее религию мусульман, по-арабски значит покорность. «Благо перед богом есть покорность»,— говорится в коране (гл. 3, ст. 17). Сам бог говорит об этом: «Я,— заявляет он в коране,— благоизволил поставить вероуставом для вас покорность» (гл. 5, ст. 5).

Кому же рекомендуется покоряться? На это коран отвечает в 62-м стихе 4-й главы: «Верующие,— читаем там,— повинуйтесь богу, повинуйтесь посланнику его и тем из вас, которые имеют власть».

Установления поста месяца рамазана, как и все остальные установления ислама, направлены к защите этой идеи, они требуют от трудящихся покорности эксплоататорам. И когда бедняк во время уразы не имеет хлеба, а богачи

по ночам объедаются всевозможными яствами, мусульманское духовенство, считая это вполне нормальным явлением, находит в подтверждение этого соответствующий стих корана: «Не засматривайся очами твоими на те блага, какими наделяем мы (т. е. бог. — *Л. К.*) некоторые семейства..., на этот цвет земной жизни...» (гл. 20, ст. 131).

Тем, кто не повинуется эксплоататорам, не слушает проповедей мусульманского духовенства, ислам сулит тяжкие адские муки: они попадут в ад, в геенну, «огонь которой будет опалять лица их и они будут в нем морщиться от боли» (гл. 23, ст. 106). «Когда они будут умолять о помощи, им помогут водой, подобной расплавленному металлу, которая будет жечь лица. Мучительное питье! Томительное место отдохновения!» (гл. 18, ст. 28). И «там они пробудут, пока существуют небеса и земля, если только господь не захочет чего-либо особенного; ибо господь твой есть полновластный совершитель того, что хочет» (гл. 11, ст. 109).

В хвалебной песне, поющейся в мечетях каждый вечер во время уразы, мусульманам внушаются эти же рабские чувства. «Аллаха молим мы о прощении», — говорится в этой песне.—«У тебя (бога) испрашиваем рай и к тебе бежим от адского пламени».

Задачу отвлечения трудящихся от классовой борьбы преследуют проповеди мулл о «прелестях» и «ужасах» несуществующих рая и ада. Этого не скрывают и авторы корана, прямо заявляющие, что описываемые ими сказочные блаженства рая достанутся лишь тем трудящимся, которые будут безропотно трудиться на своих эксплоататоров. «Истинно, — говорит коран о рае,— это есть великое блаженство! Ради подобного сему — да трудятся трудящиеся!» (гл. 13, ст. 24). Коран поддерживает в людях реакционные, упадочнические настроения, он говорит, что «жизнь в здешнем мире есть обманчивая утеха, обольщение, суетный наряд...» (гл. 57, ст. 20).

Тому же учат и дервиши (суфии), «монахи» ислама. Так, один из дервишских главарей XI в. шейх Энсарий говорит в своих песнях:

«Добро людям, которые исполнили долг служения (богу), отреклись от мира и свободны от всего.

Днями они в посте и сидят по уголкам, а по ночам опять стоят на месте служения.

Страсти свои они попрали... и приготовились к смерти».

Мусульманское духовенство прививало трудящимся принижающие человека чувства не только через мечеть, дервишское радение и молитву. В этих же целях использовалась и художественная литература. Даже подлинно народные произведения мусульманские богословы намерен-

Мусульмане на молитве в дни рамазана

но извращали, пронизывая их унижающими человека учениями.

Начинается ураза обрядом «встречи», когда ждут появления на небе луны месяца рамазана. Луну высматривают в воде пруда, реки или колодца. В прошлом о наступлении поста в городах извещали верующих выстрелами из пушек, барабанным боем, трубными звуками.

Услышав сигнал, мусульмане должны были итти в мечети на молитву. В течение всего месяца рамазана верующим вменялось в обязанность ежедневно повторять формулу: «Я вознамерился поститься постом месяца рамазана от утренней зари до заката солнца единственно ради бога всевышнего».

Под вечер в дни уразы различные «святые», юродивые, дервиши, прося подаяния, ходят по дворам с «духовным» пением. Вовлекают они в это обрядовое пение и детей 8—12-летнего возраста, насилуя сознание ребят. Дервиши, например, поют такие песни (стихи записаны в 1930 г. в ауле Шар-тепе Ашхабадского округа Мервского района Туркменской ССР):

«Придите, рабы господни, собирайтесь, люди,
Нам было повеление! Пост — послушание, —
Считайте находкой эти его мгновения!
Мухаммед Мустафа-ага[1], отзовись, о, рамазан!
Сверху падают листья — все преходяще, преходяще,
Из белой райской птицы вышла душа, душа».

«Все в этом мире преходяще»,— блаженство возможно лишь в загробной жизни. В СССР такие тексты используются врагами народа с тем, чтобы посеять среди трудящихся неверие в дело коммунизма.

Не забывается в этих «духовных» песнях и о шкурных интересах мусульманского духовенства, дервишей и т. п. Например, здесь же поется:

«Мы пришли, чтобы держать рамазан.
Дайте нам милостыню во имя рамазана!
Дайте овцу, дайте барана (да будет вам благо!)...»

Реакционное значение мусульманского поста месяца рамазана было давно известно угнетателям разных наций и религий. Именно поэтому они издавна поддерживали этот религиозный обычай, как и другие установления ислама.

Так, в России еще в начале XIX в. царское правительство приняло ряд мер, направленных к тому, чтобы поддержать исполнение предписаний ислама, в том числе и уразы.

Завоевав Закавказье, а затем и Среднюю Азию, царизм сравнительно быстро учел, что в большинстве случаев ему гораздо выгоднее поддерживать мусульманство, чем проводить христианизаторскую миссионерскую политику. Царизм стал заботиться не только о превращении мусульманского духовенства в свою агентуру, но и о том, чтобы населяющие Закавказье и Среднюю Азию народы, исповедующие ислам, были ревностными мусульманами. Издававшийся канцелярией кавказского наместника «Кавказский календарь» за 1854 г. сообщает: «Город Елисаветполь (Ганджа,

[1] Эпитет пророка Мухаммеда. «Мустафа» значит «избранник».

ныне Кировабад.—*Л. К.*) с незапамятных времен всегда вмещал в стенах своих много ученых ахундов [1]. На основании таких преданий князь Цицианов в 1805 г. нарек елисаветпольского казия первенствующим духовным лицом мусульманского духовенства всей Грузии и покоренных до того мусульманских провинций. Особым распоряжением ему поручено было иметь наблюдение за всеми муллами, «чтоб они молитвы свои по закону мухаммеданскому исполняли без лени и чтобы прихожане в мечеть ходили в свое время». На содержание пяти главных мечетей по селениям жители обязаны были вносить по 50 коп. со двора; на содержание же духовенства отпускалось из казны 1 300 руб. В настоящее время (1854 г.) в Елисаветполе есть два ахунда, считающиеся при главной городской мечети. Два ахунда получают от казны по 250 руб. серебром, один из них называется казием и председательствует в духовном суде шаро, составленном из лиц духовных, по порядку управления Закавказского края. Мечети же этой предоставлен караван-сарай, который дает дохода 500 руб., и баня при нем (с доходом) до 200 руб. Все это обращается в пользу духовенства».

Меры эти не были исключительными. Постановления, подобные распоряжению князя Цицианова, издавались неоднократно для разных районов царской России и ее колоний. Одно из таких постановлений, изданное в 1833 г. за подписью сенатора П. Богданова и других чиновников, гласило:

«По указу его императорского величества самодержца всероссийского, все мусульмане России должны выполнять все требования своей религии, строго выполняя ее догматы.

Вероотступников наказывать следующими тремя способами: первый раз — розгами, второй раз — палками и третий раз — нагайками».

В том же 1833 г. был сделан татарский перевод этого указа, скрепленный подписью муфтия [2] Сулейманова.

Губернатор Туркестанской области генерал Черняев в объявлении от 19 июня 1865 г. также указывал, что под-

---

[1] Ахунд — должностное лицо мусульманского духовенства. По положению приравнивался к должности благочинного в христианстве.

[2] Муфтий—высшее лицо мусульманского духовенства, имеющее право выносить самостоятельные решения по вопросам ислама. Власть назначавшихся царизмом муфтиев оренбургского, таврического и закавказского была такой же, как власть христианского митрополита.

чиненному ему «населению предписывается, под страхом обычных наказаний, строго соблюдать все предписания ислама».

Действительно, на предприятиях капиталистов царской России (Урал, Донбасс) рабочих-мусульман за несоблюдение уразы увольняли с работы. Бывали случаи, когда тех, кто не исполнял обрядов уразы, запирали в подвальные помещения мечети, выводили на поругание на улицу, били и т. д.

Но за тем, выполняют ли уразу сами муллы, никто не следил, и они этим пользовались. Многие муллы превращали пост месяца рамазана в месяц сплошного обжорства, пьянства и разврата. Разнузданность мулл в это время изобличена и заклеймена во многих произведениях народной мудрости.

Царские ставленники — оренбургский муфтий и другие лица высшего мусульманского духовенства требовали от мулл лишь неукоснительного наблюдения за тем, чтобы в мечетях во время уразы аккуратно проводились богослужения и чтобы верующие не нарушали ее обрядов. Так, циркулярно объявленный «указ его императорского величества самодержца всероссийского из оренбургского магометанского духовного собрания, духовным лицам, состоящим при мечетях», от 23 апреля 1884 г., требовал от мулл, чтобы «они для одновременного вступления как в уразу, так и в исполнение праздничных богомолений гайде-фитр и гайде-курбан [1], как требует шариат, по возможности, предварительно согласовывались бы между собой, причем в непременную обязанность неупустительно исполнять вечернее богомоление ясых, с тем предупреждением, что за неисполнение всего этого без точных оснований, или из одних капризов с виновными будет поступлено по всей строгости закона».

Такие указы диктовались политическими соображениями. Мусульманский пост или праздник рассматривался высшими органами ислама как время политической кампании, когда мусульманская церковь привлекалась самодержавием для участия в том или ином мероприятии. Мулла,

---

[1] «Гайде» — татарское произношение арабского «ид» — праздник. «Гайде-фитр» и «гайде-курбан» означают «ураза-байрам» и «курбан-байрам».

начавший богослужение поста или праздника не в общеустановленный срок, мог помешать успешному выполнению намеченного задания. Поэтому мулл, нарушивших установленные сроки постов и праздников ислама, органы российского самодержавия призывали к порядку, объявляя им строгие выговоры через полицейские управления.

Требуя от трудящихся, находившихся под двойным гнетом — российского самодержавия и местных эксплоататорских классов, неукоснительного соблюдения уразы, мусульманское духовенство вместе с тем готово было в угоду капиталистам произвести в ее установлениях некоторые реформы. Например, известный предатель интересов рабочих и крестьян мракобес Муса Бигеев предлагал в случаях, когда ураза падала на «длинные дни», переносить ее на другое время года, когда дни бывают короткими. Эти предложения сочувственно рассматривались в годы империалистической войны 1914 — 1918 гг., когда милитаристам нужна была масса рабочих рук. Но и тогда эксплоататоры стремились к возможно более пышному проведению поста месяца рамазана, видя в нем средство отвлечения внимания трудящихся от классовой борьбы.

Боясь превращения войны империалистической в войну гражданскую, помещики и капиталисты стремились погасить гнев народа, одурманивая трудящихся религией.

Различные «мусульманские» и иные «благотворительные» комитеты в годы войны проводили специальную подготовку к религиозным праздникам и постам, в том числе и к уразе и ураза-байраму. За свою работу эти мусульманские организации удостаивались «высочайшей» благодарности.

Так, в связи с проведением ураза-байрама в 1915 г. управляющий Оренбургской губернией получил от Николая II телеграмму, в которой царь выражал ахунду Дадманкулову и его сподвижникам «сердечную благодарность за молитвы о даровании победы нашему доблестному воинству и выраженную мне верноподданническую верность».

Уразу всемерно использовали в своих контрреволюционных интересах интервенты, буржуазные националисты и белогвардейцы.

Империалистам ураза нужна как орудие порабощения трудящихся. Были случаи, когда английский королевский суд за нарушение уразы осуждал даже детей к тюремному заключению.

Интересен факт, относящийся к проведению уразы в 1930 г. в Палестине.

«Недавно,— сообщала газетная корреспонденция,— в роли защитника диких мусульманских обычаев выступил «культурный» английский суд.

Дело в том, что один голодный арабский мальчик осмелился в один из священных дней месяца рамазана пройтись по улице городка Джении (Палестина) с куском хлеба в руках. Смельчака моментально арестовала духовная мусульманская полиция и передала в руки английской светской полиции. Мальчика судил английский королевский суд Палестины по всем правилам, как важного государственного преступника. Суд вынес мальчику приговор: «За нарушение священных обычаев поста рамазана — к 15 дням тюремного заключения».

Однако это не было случаем исключительным. Подобные факты были в Яффе и других местах зарубежного Востока.

В борьбе против растущего революционного движения трудовых масс угнетенных народов Востока империалисты, объединяясь с местными эксплоататорами, наряду с другими средствами оглупления трудящихся пытаются использовать религию, ислам. В Индии, Ираке, Палестине и других странах Востока в целях срыва единства народного антиимпериалистического фронта империалисты при помощи мулл, раввинов и попов других религий провоцируют вражду и кровавые столкновения между трудящимися разных вер и наций. Было много случаев, когда для таких провокаций избиралось время поста месяца рамазана. В Индии, например, непосредственным поводом к натравливанию одной части населения на другую избиралась религиозная церемония церковного поминовения смерти халифа Али (656—661 гг.), совершаемая мусульманами-шиитами и исмаилитами 21 рамазана.

Чтобы разжечь шовинистические чувства во время уразы, верующим рассказывается сочиненная муллами гнусная сказка о том, что якобы пост в месяц рамазана должен был, согласно решению аллаха, продолжаться всего лишь три дня. Но иудеи будто бы «своровали» и скрыли от мусульман название этих трех дней рамазана. Потеряв возможность узнать, на какие три дня рамазана предписан пост, мусульмане вынуждены соблюдать его все тридцать дней этого месяца.

EB_1941_AKS_216

Эту антисемитскую выдумку повторяли враги народа и в Советском Азербайджане, пытаясь сеять рознь между братскими народами нашей великой родины.

Передовые люди Востока давно понимали, что установления уразы принижают человеческое достоинство, и выступали против них. Например, известный иранский поэт, философ и математик Омар Хайям (1040—1123 гг.) издевался над требованием ислама не есть и не пить с восхода и до захода солнца в течение всех 30 дней уразы. Хайям говорил:

«Неправда, будто пост нарушил я затем,
Что рамазан презрел, забыл о нем совсем;
О нет, от мук поста я света дня не взвидел,
Подумал: ночь еще, я ранний завтрак ем».

В XIX в. виднейший философ и общественный деятель Закавказья, основатель азербайджанской драматургии Мирза Фатали Ахундов (1812—1878 гг.) зло высмеивал мулл, призывающих людей к выполнению уразы. В одном из своих стихотворений, обращаясь к мулле, Ахундов говорит:

«Я на земле себе теперь известность стал искать,
О рае, гуриях давно я перестал мечтать.
Зачем твердишь ты каждый день свою Везэвведжи? [1].
Не могут гурии твои желанья исполнять.
Не склонно сердце у меня до этой суеты,
Намаза пытки и поста не мне претерпевать.
Шагни скорей в культурный мир, в науки светлый дом
Ведь это лучше для тебя, чем гурий достигать.
Здесь — наслажденье дать уму и разуму простор,
Там — вожделения невежд безумно утолять».

Ураза — вредный пережиток

В СССР мусульманское духовенство, побуждая верующих к исполнению уразы, стремится тем самым отвлечь их от участия в строительстве коммунистического общества. Призывая верующих во время уразы не есть и не пить с раннего утра и до позднего вечера, муллы добиваются снижения производительности труда.

Примеров этому много. Вот некоторые из них.

Еще в 1932 г. газета «Бакинский рабочий» в номере от 5 января отмечала, что «в прошлые годы мы были свидетелями того, как снижалась производительность труда на тех предприятиях, на которых работали соблюдающие пост

[1] Везэвведжи — молитва, якобы отгоняющая злых духов.

рабочие и работницы (фабрики им. Ленина, им. Али-Байрамова и др.)».

Тогда же в Казани на заводе им. В. И. Ленина, как сообщала местная печать, были случаи, когда соблюдавшие уразу работницы завода еле держались на ногах от истощения.

В 1935 г. в г. Кизеле (Свердловская область) уразу исполняли многие работницы шахты им. Ленина. В артели «Труженица Востока» в Нахичеванском районе г. Ростова-на-Дону тогда же соблюдали уразу 14-летние девушки.

В 1929 г., в целях подрыва доверия трудящихся к своему рабоче-крестьянскому правительству и к коммунистической партии, среди верующих ряда национальных республик и областей СССР враги народа распространяли к началу уразы некое «откровение у гроба Мухаммеда». В нем рассказывалось о том, как к одному шейху явился ангел Джебраиль, который объявил, что аллах разгневан, так как люди забыли его и не соблюдают уразы, не платят церковных податей и потому скоро наступит конец света. Ангел повелел распространить это «откровение» среди верующих мусульман.

Объявляя о скором конце мира и тем самым стремясь отвлечь трудящихся от социалистического строительства (все равно-де мир погибнет!), мусульманское духовенство не забывало своих шкурных интересов. «Откровение у гроба Мухаммеда» предлагало мусульманам отдать свое имущество муллам:

«Желающий получить откровение, избавляющее от перечисленных наказаний аллаха, — должен дать садака (т. е. сделать «приношение» муллам. — *Л. К.*): за один дергам (15 к.) откроются двери рая для одного из его близких, за 10 дергамов исполнятся 10 его просьб на земле. Во имя блаженства, мусульмане, откройте ваши уши!».

Подобные факты были и позднее.

Например, во время уразы в 1935 г. в Дагестане, в Губдене, один хаджжи со своими приспешниками ночью обходил дома односельчан и заявлял, что ему снился сон, будто пророк Мухаммед говорил: «Вы меня забыли, а я вас за это покараю, умрете с голоду». Напуганная этим часть отсталых горцев стала резать скот, чтобы «умилостивить» пророка. Зарезали 144 головы скота, и львиная доля всего мяса досталась муллам.

В Туркменской ССР в мечети шейха Кебир-аты в Кунья-Ургенче во время уразы мусульманское духовенство вело среди собравшихся в мечети открытую антисоветскую агитацию.

В 1937 г. мусульманское духовенство пыталось использовать уразу и ураза-байрам как орудие борьбы против морального и политического единства трудящихся Советской страны. Муллы хотели помешать победе блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховный Совет Союза ССР.

В Карачае во время уразы 1937 г. с вражеской агитацией по колхозным домам ходил объявивший себя шейхом бывший мулла (эфенди) Калабек Хаджиев. Тогда же в Нагорной части Октябрьского района г. Баку муллы Кара-Усейн и Рубаба ходили по квартирам и вели среди домохозяек-азербайджанок антисоветскую агитацию.

Особенное внимание враги народа обращают на то, чтобы вовлечь в исполнение уразы советскую молодежь. Этим муллы хотят разложить нашу молодежь, идейно развратить и физически изнурить ее.

Муллы иногда добивались в этих своих преступных действиях известных успехов. Помогали им в этом заклятые враги народа — наймиты иностранных разведок троцкисты, бухаринцы и буржуазные националисты.

Потеря классовой бдительности и отсутствие антирелигиозной работы приводили к тому, что, например, в Маргеланском районе Узбекистана в 1935 г. «почти все комсомольцы колхоза «13 лет Октября» соблюдали уразу». Сообщавшая об этом газета «Комсомолец Узбекистана» (от 14 января 1936 г.) отмечала, что подобные факты имели место в колхозах им. Стрелкова, «Кзыл Узбекистан» и других.

В 1939 г., в Средней Азии ураза совпала с уборкой хлопка и началом кампании по выборам депутатов в местные Советы трудящихся. И вот мусульманское духовенство, пытаясь отвлечь трудящихся от кампании по выборам и помешать им своевременно собрать и сдать государству хлопок, стало особенно рьяно призывать верующих соблюдать уразу. Вред от агитации мулл там, где они не встретили своевременного отпора, был не малым. При этом муллы, руководствуясь стремлением возможно больше напакостить трудящимся, нарушали канонические правила календарного исчисления времени уразы и объявляли верующим даты ее начала и конца в различных местах в разные дни, смотря по тому, как это им было выгодно. В Наман-

ганском районе Ферганской области (Узбекская ССР) уразу начали уже 14 октября 1939 г. В артели «Кзыл Толкун» председатель колхоза Наджметдинов, несмотря на обилие раскрывшегося хлопка, распорядился прекратить уборку по случаю начала уразы. В результате, как сообщала газета «Правда Востока» от 24 октября 1939 г., «15 октября артель не сдала на пункт ни одного грамма хлопка...». В артели им. Молотова Сталинского сельсовета, того же района, в первый же день уразы было прекращено приготовление горячей пищи для сборщиков. Такие же случаи были и в соседнем колхозе им. Ворошилова, причем здесь уразу справляли и некоторые комсомольцы.

Как отмечалось в «Правде» (от 4 ноября 1939 г.), слабая антирелигиозная работа среди населения имела результатом соблюдение уразы и невыход на работу и в ряде других районов Ферганской области (например в сельхозартели им. Сталина и в колхозах Охчинского сельсовета Мархамотского района).

По требованию трудящихся закрыто большое количество мечетей и других молитвенных зданий. И вот мусульманское духовенство ищет других путей к организованному обману трудящихся. Оно устраивает моления у разных могил и других мест (мазар, азиз, тюрбе, пир), а также практикует посещения верующих на-дому.

«В колхозах «Ленинград», им. Карла Маркса и других (Тахтаабадский район, Таджикская ССР) муллы Абдуназар, Халмерзаев и Нурбабаев устроили совещание, на котором решили во время рамазана молитвы проводить не в мечети, а на квартирах колхозников» («Коммунист Таджикистана» от 23 октября 1939 г.). В колхозе им. Орджоникидзе Джамбайского района (Самаркандская область, Узбекская ССР) в 1939 г. было выявлено, что подбивал колхозников соблюдать уразу и не выходить на работу в поле некий бывший кулак и мулла, бежавший после его разоблачения из Таджикистана. Он пытался воздействовать и на детей, требуя от них выполнения уразы и непосещения занятий в школе.

Заставляя детей справлять уразу, муллы и верующие мусульмане совершают насилие над сознанием ребенка, подрывают его здоровье, отрывают от учебы. Товарищ Ем. Ярославский в 1934 г. говорил, приводя примеры по г. Москве: «Например, в школе Аффинажного завода во время уразы постились 13 ребят. После беседы, проведен-

ной безбожниками, остались поститься сначала трое, а потом лишь один. В 17-й школе Замоскворецкого района постились 20 школьников. То же самое было в 10-й школе Ленинского ОНО, во многих школах Татарии и Дагестана. Например, в станице Новое Казанище в дни уразы не было в школах горячих завтраков, учитель воспретил... организовать эти завтраки. В школе «Касте» преподаватель, рассказывая ученикам об уразе, говорил, что классовые враги — это попы и раввины, а о муллах молчал. Этот учитель сказал, что религия нужна человеку, как воздух, что она никакого вреда не приносит и что во всем виноваты люди, руководящие религией» (газета «Безбожник» от 10 марта 1934 г.). Так действуют религиозники, когда отсутствует должная большевистская бдительность и не ведется борьба против религии.

Кое-где даже в 1939 г. дети соблюдали уразу и в школу не ходили. В колхозе «Социализм» Термезского района (Бухарская область, Узбекская ССР) во время уразы 1939 г. враждебными народу элементами было организовано хождение по домам с пением обрядовой песни «Йа, рамазан!» («О, рамазан!») и сбором религиозной «милостыни»; в обрядовой песне, исполнять которую привлекли молодежь, говорилось о том, что на земле «все преходяще» и следует-де помышлять не о жизни, а о том, как бы поскорей попасть... на страшный суд, в рай, к богу. Тогда же, как сообщала газета «Комсомолец Узбекистана» (от 30 октября 1939 г.), «в колхозе им. Ахунбабаева Алматсуфинского сельсовета Булунгурского района муллы подкупили «комсомольца» Хасанова, и он 17 октября пел в чайхане религиозные песни об уразе».

Сознание людей отстает от их экономического положения. Лишенный в СССР своих социальных корней, пост месяца рамазана держится еще как пережиток времен эксплоатации и угнетения. Исполняя уразу, верующие, сами того не сознавая, поддерживают невежество, темноту, все то, что мешает им строить новую, счастливую жизнь. Агитируя за уразу, за исполнение религиозных постов и праздников, мусульманское духовенство и враги народа наносят вред трудящимся. Побуждая мусульман исполнять уразу, они пытаются оживить и поддержать среди верующей части трудящихся вредные религиозные обычаи и представления о загробной жизни, об аде и рае, о днях «страшного суда» и т. п.

Необходимо разъяснять верующим вред уразы, помогать им освободиться от пережитков проклятого прошлого. Опыт показывает, что там, где антирелигиозная пропаганда поставлена должным образом, число выполняющих уразу быстро сходит на-нет.

Приведем хотя бы два примера. Учитель-орденоносец т. Орзи Бабамуратов, работающий в школе Кара-Кентского сельсовета Джамбайского района (Узбекская ССР), систе-

Радостно и разумно отмечают трудящиеся свои торжественные даты. На снимке — праздник («той») по случаю выполнения годового плана сдачи хлопка в колхозе миллионере «Сталинчи» (Ленинский район, Узбекская ССР)

матически ведет антирелигиозную работу не только среди учащихся, но и среди их родителей. Результат налицо: в сельсовете, где находится школа т. Бабамуратова, как 20 января 1940 г. отметила газета «Правда Востока», в 1939 г. «не было случаев соблюдения уразы».

В Орджоникидзеабадском районе Таджикской ССР большую антирелигиозную работу ведет комсомольская организация колхоза им. ГПУ. Она в 1939 г. добилась того, что в день уразы план хлопкосдачи был перевыполнен («Коммунист Таджикистана» от 23 ноября 1939 г.). Таких фактов становится все больше и больше.

УРАЗА-БАЙРАМ

Ураза-байрам, или ид-аль-фитр,— праздник окончания тридцатидневного поста месяца рамазана. Наступает ураза-байрам в первый день следующего за рамазаном месяца шавваля. В этот праздник уничтожается запрет ничего не есть и не пить в течение всего дня, а также дозволяются разные развлечения. Но разрешено все это, правда, только тем, кто строго исполнял обычаи уразы и кто, совершив молитву, уплатил мусульманскому духовенству особую подать ураза-байрама. Нарушивший же уразу в ураза-байрам должен начать отбывать назначенные ему муллами наказания.

В отличие от начинающегося через 70 дней после окончания месяца рамазана курбан-байрама (см. стр. 50), именуемого «большим праздником» (ид аль-кабир), ураза-байрам зовется «малым праздником» (ид-ас-сагир или кучук-байрам).

В ряде мест распространения ислама ураза-байрам справляется не менее пышно, чем курбан-байрам. Там, где сохранились пережитки старых огнепоклоннических религий, во время ураза-байрама зажигаются костры, через которые верующие прыгают, и т. д. Подобные обычаи бытуют еще и в СССР, например в Закавказье.

Большинство обрядов и обычаев ураза-байрама заимствовано исламом от религий домусульманской Аравии. У древних арабов (как и у других народов, живших в домусульманской Аравии) после месячного поста устраивались особые праздничные торжества (по-арабски «ид», что значит «периодически возвращающиеся»). Легенды и мифы, с помощью которых жрецы древнеарабских культов (кахины) объясняли возникновение и смысл религиозных обрядов и обычаев этого праздника, имели глубоко реакционное значение. Эти легенды и мифы прививали человеку ложные представления о причинах возникновения разных явлений природы, консервировали примитивные общественные отношения.

В исламе этот древнеарабский праздник был включен в общую систему новой классовой идеологии, отражавшей интересы господствовавших классов феодального общества (халифата).

Согласно установлениям ислама, верующий в дни ураза-байрама должен отчитаться за прошедшую уразу, начать отбывать наказания за случаи ее нарушения и упла-

тить мусульманскому духовенству особую денежную или натуральную подать — закят-аль-фитр — «очищение праздника перерыва».

В ураза-байрам установлены обязательные молитвы. Общие молитвы в это время устраивались как в мечети, так и на улице, под открытым небом. Феодалы стран распространения ислама для общих молитв ураза-байрама (как и следующего за ним курбан-байрама) строили особые храмы, так называемые «места молитвы» — намазга или намазгох. Одна такая намазга была выстроена Надир-диван-беги, сановником бухарского эмира Имам-Кули-хана (1611—1642 гг.) в Самарканде. После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года эта намазга, согласно решению трудящихся, была закрыта; с 1929 г. на ее территории функционирует Узбекский государственный детский туберкулезный научно-исследовательский институт имени В. И. Ленина с клиникой и санаторием.

Мусульмане на молитве во дворе медресе Тилля-Кари в Самарканде

Обычай таких общих праздничных молитв вводился силой арабами, в VII и VIII вв. огнем и мечом обращавшими в ислам покоренные ими народы. Например, историк X в. Мухаммед Наршахи в своей «Истории Бухары» пишет, что арабский военачальник, жестокий Кутейба ибн-Муслим, выстроив в Бухаре в 713 г. соборную мечеть «на том месте, где раньше было капище идолов»,— «другое место внутри города, известное под названием Регистана, сделал местом праздничной молитвы и вывел му-

сульман, чтобы они молились здесь в праздник ид», т. е. во время ураза-байрама и курбан-байрама. Выводились сюда люди силой. При этом арабы, вводившие этот обычай, и на молитве не чувствовали себя в безопасности. «Людям приказано было приходить на молитву с оружием, потому что в это время ислам только-что был введен и мусульмане еще не были в безопасности от неверных. И теперь осталось в обычае, — писал Наршахи в X в., — чтобы всякий, кто носит оружие, входил сюда вооруженным».

Для того чтобы внедрить в сознание верующих необходимость строгого исполнения этих чуждых народу установлений, муллы рассказывали различные сказки о посланнике аллаха Мухаммеде. «Мухаммед, — говорили они, — молился до тех пор, пока ноги у него опухли».

«Когда мы, — рассказывается от имени одного из «отцов» ислама, — хотели видеть, как пророк совершал свою ночную молитву и шли к нему, мы находили его молящимся... подобным же образом мы находили, что он ничего не ел и не пил, когда мы хотели видеть, как он постится...».

Следовать этому усердию «пророка» муллы и призывают верующих. Еще перед окончанием поста в месяц рамазан мусульманину предлагается произнести молитву рабской покорности: «Боже мой, — говорится в ней, — я постился, повинуясь твоему закону. От тебя я ожидаю моей пищи. Я хочу принимать ее по твоему милосердию...» и т. д.

Унижающие человека мысли о том, что не труд человека, а воля бога обеспечивает ему необходимые условия жизни, внушаются проповедями (хутба) ураза-байрама. Муллы объявляют в них верующим о «действительности» прошедшего поста месяца рамазана и призывают к соблюдению его в будущем. Текст хутбы обычно составлялся заранее и в письменном или в печатном виде распространялся среди духовенства.

Вот о чем говорилось в одной такой стандартной проповеди на ураза-байрам:

«Хвала тому, который обещал верным хранителям поста вход в рай дверью, называемой прохладной, в которую входят только постившиеся во время месяца рамазана... Знайте, о, верующие, что этим днем оканчивается месяц рамазан, этот почтенный и священный месяц... Ах, сколь мы должны быть опечалены и огорчены, что месяц рамазан кончился... Прощай, прощай, о, месяц покаяния, прощения и освобождения от огня и ада...».

Продолжая эту проповедь, муллы стараются внушить верующим, что соблюдение уразы — великое счастье. «Я был очень весел,— проповедуют муллы униженным и истощенным после исполнения уразы верующим,— я дожил до месяца благословенного, но сегодня, с глазами полными слез, я должен сказать себе: о, месяц рамазан, прощай!».

«С той минуты, как ты (рамазан) имел намерение удалиться, — говорится в этих молитвах, — покой оставил меня, скорбь объяла меня... Среди печали, в которую я погружен, я испускаю жалобные стоны, я проливаю кровавые слезы... Несмотря на слабость моего тела, я увидел твое лицо с удовольствием и говорю с печалью: «месяц рамазан, прощай!.:».

Такую же ложь, как и в евангельском «на земле мир и в человецех благоволение», проповедуют муллы в дни ураза-байрама. В одной из колоний царской России, эмирской Бухаре, для доказательства «милосердия» господ — небесного и земного — в дни ураза-байрама ежегодно разыгрывалось целое представление.

С появлением луны в месяц шавваль из зловонной тюрьмы бухарского эмира выводился присужденный к смертной казни узник. Окруженного заранее подготовленной толпой узника вели под бой барабанов и восхваляющие эмира песнопения к местопребыванию эмира, в Ширабуддин. На утро эмир должен был его «помиловать». Но как «помиловать»?..

Вот как описывает это помилование очевидец Свирский: «Утром, в первый день ураза-байрама, на обширной поляне перед летним дворцом эмира собралась огромная толпа. Здесь были и взрослые, и старики, и дети. Настроение поддерживалось праздничное. Наконец, из эмирского парка раздался резкий трубный звук и вскоре оттуда вышел седобородый старик в белом халате. Толпа моментально раздвинулась на две части и дала старику дорогу. То был придворный скороход. Положив сжатые кулаки на грудь и согнувшись в дугу, старик с необычайной быстротой забегал по поляне.

— Кэт, кэт (сторонитесь)! — задыхающимся голосом выкрикивал скороход, и толпа покорно сторонилась... Но вот старик остановился, и в ту же минуту из-за деревьев парка показалась процессия. Толпа таджиков, одетых в белые халаты, с громким воем и плачем медленно подвигалась вперед. В середине плакальщиков, еле передвигая но-

ги шел осужденный преступник, молодой рослый таджик с круглой черной бородой. На нем вместо халата была надета длинная белая рубаха. Он шел босиком с обнаженной бритой головой. Преступник шел не один, его вели под руки два палача в красных чалмах. На широких красных поясах палачей висели длинные ножи. Осужденного подвели к самому дворцу и поставили на колени. Он стал молиться и плакать. Палачи тем временем точили о голенища своих сапог широкие стальные лезвия ножей; становилось не на шутку страшно. Толпа притихла. Но вот наступила грозная минута. Один из палачей подошел к осужденному, закинул ему голову назад, крепко захватил ее обоими коленями и подобрал бороду преступника так, что шея совершенно обнажилась. Тогда с ножом в руках подошел другой палач и прокричал над головой осужденного: «Смерть идет!». Едва он это сказал, как воздух огласился барабанным боем, трубными звуками и громким плачем таджиков в белых халатах. Палач, не обращая внимания на поднявшийся шум и вой, протянул нож вперед и предварительно провел им черту над самой шеей преступника. Казалось, еще мгновение— и голова несчастного отлетит прочь от туловища. Но в это время широкие двери дворца невидимой рукой раскрылись, на каменную площадку упал большой персидский ковер, и показался эмир, окруженный пышной, богатой свитой. Появление эмира вышло в высшей степени эффектным. Золотая чалма горела драгоценными камнями... Наступила мертвая тишина. Толпа замерла...

Эмир сделал плавный жест и мягким грудным голосом сказал:

«Во имя Мухаммеда, дарую жизнь рабу своему».

Проговорив это, эмир скрылся. Освобожденный преступник дополз на коленях до площадки и несколько раз поцеловал то место ковра, на котором стоял эмир. Затем он встал на ноги, низко и многократно поклонился народу и тихо заплакал слезами радости. Богатые таджики сейчас же окружили его со всех сторон и наперерыв стали приглашать его к себе в гости».

Это публичное глумление над человеком повторялось из года в год. Как хищник над своей добычей, был волен эмир над своими подданными. Инсценировка «помилования» пленника в ураза-байрам напоминала верующим об этом.

«Священная» Бухара была подлинной страной бесправия. Религиозной ложью, сказкой о «милосердных» боге и царе

(эмире, халифе) эксплоататоры пытались прикрыть моральное угнетение и материальное ограбление трудящихся.

Мы уже говорили, что во время ураза-байрама верующие, согласно мусульманским законам, должны платить особый сбор, так называемое «очищение», милостыню. «Милостыня праздничная, — говорится в стандартных изданиях проповедей ураза-байрама, — есть обязанность каноническая для всякого мусульманина, мужчины и женщины».

Платить эту «милостыню», по законам ислама, надо даже за новорожденного, хотя бы ребенок родился в ночь наступления ураза-байрама. Сбор («закят-аль-фитр», «садака») ураза-байрама обычно взимался в размере примерной стоимости $1^1/_2$ килограммов пшеницы с каждого верующего. Муллы получали от этого праздничного сбора значительные суммы. На бедняков же эта «милостыня» ложилась тяжелым бременем.

В своих сочинениях и проповедях мусульманское духовенство всячески агитировало за обязательность взноса закят-аль-фитра всеми мусульманами, как бы бедны они ни были. Пророку Мухаммеду муллы в этих целях приписали такое изречение (хадис): «Пост рамазана висит между небом и землей, пока раб божий не подаст следуемой с него милостыни».

Ссылка на благотворительные цели сбора закят-аль-фитра (раздача милостыни неимущим, сиротам и т. д.) являлась только агитационным приемом. В действительности же эта «милостыня» оставалась в карманах мусульманского духовенства.

О том, как муллы в дни ураза-байрама присваивали себе садака, хорошо рассказывает письмо некоего М. С. из деревни Бик Елабужского уезда Вятской губернии (ныне Татарская АССР), хранящееся в архиве дореволюционной буржуазно-националистической газеты «Тарджуман» (находится в Государственном дворце-музее татарской культуры г. Бахчисарая).

«Очень богатые муллы,— говорится в этом письме,— принимают (берут) себе жертву, называемую «закят-аль-фитр», которая принадлежит по шариату нищим. Как это известно каждому, богатые муллы в этом случае поступают так: когда принесут к ним (закят-аль-фитр), они сразу (его) не принимают, а сначала, выйдя в другую комнату к своим женам, дарят им все свое имущество и (затем), притворившись нищими, принимают закят. (Потом они) обратно полу-

чают свое имущество. Муллихи же (жены мулл, принимающие закят-аль-фитр от мусульманок. — *Л. К.*) поступают таким же образом... Жертву, называемую фитр, они собирают даже от нищего, а при неимении денег назначают нищих на какие-либо дела: пашню, жатву и т. п.».

В Средней Азии, где огромное хозяйственное значение имеет вода и где во дворе каждой мечети есть водоем (хауз), мусульманское духовенство выдавало воду за «божественный дар».

В дни ураза-байрама, курбан-байрама и других праздников ислама духовенство взимало за воду с крестьян особые «подарки». Тот, кто не «дарил», должен был отработать на землях духовенства (вакфных землях).

Ханы и некоторые феодалы с помощью мулл в ураза-байрам взимали для себя еще особую денежную повинность — байрамлык (праздничный сбор). До нас дошел ряд документов, говорящих о том, что эта «праздничная» повинность оформлялась даже юридически. Вот одна из сохранившихся официальных расписок в получении байрамлыка с жителей селений Кильвар-Кенди кубинским ханом Мухаммедом Кули:

«Восемьдесят туманов и пять хэзаров [1].

Сумму в восемьдесят туманов и пять тысяч динаров тавризских [2]... на подношение к празднику фитра (ид-и-фитр), высокому господину моему хозяину и повелителю и госпоже (бегум)... в настоящем году Собаки (ит-иль), согласно подробному перечислению: с селения Кильвар-Кенди — семьдесят туманов, рабочих и служебных повинностей — десять туманов пять кранов, итого восемьдесят туманов пять хэзаров, получил Мухаммед-Кули-бек. Написано сие в месяце шаввале 1216 г.» (с 4 февраля по 4 марта 1802 г. н. э.).

Печать: «Уповаю на бога; раб его Мухаммед-Кули, 1215».

Таким образом, мусульманский праздник использовался для взимания поборов в пользу феодалов и являлся средством укрепления власти эксплоататоров.

Помещики и капиталисты царской России с помощью перешедшего к ним на службу мусульманского духовенства также не преминули использовать ураза-байрам.

---

[1] Приблизительно 161 рубль. Т у м а н — иранская денежная единица, равная примерно двум рублям. В тумане 10 хэзаров, или кранов.

[2] Тавризский динар равен одной тысячной части крана и одной десятитысячной части тумана.

Так, во время мировой войны 1914—1918 гг. мусульманское духовенство широко использовало в интересах помещиков и капиталистов царской России и ее союзников ураза-байрам и другие праздники ислама для поддержки затеянной империалистами кровавой бойни народов. Подобным образом поступали муллы в Турции и других странах, воевавших на стороне империалистов Германии.

В 1915 г. закавказские суннитский муфтий и шиитский шейх-уль-ислам опубликовали специальные воззвания с предложением верующим отдать фитр-садака, т. е. обязательную «милостыню» ураза-байрама на нужды империалистической войны. Такое же воззвание было выпущено и бакинским мусульманским «благотворительным» обществом.

В Петрограде, в связи с наступлением ураза-байрама, уже «30 июля... в соборной мечети, в Городской думе и во всех молитвенных мусульманских домах... отслужены были молебствия о здравии великого князя Алексея Николаевича и о даровании победы русскому и союзному с ним оружию». Как сообщала газета «День», в то же время агентом царской разведки, ахундом С. Баязитовым, проводилось «молебствие в главной соборной мечети» специально для «воинских чинов местного гарнизона и раненых из лазаретов».

Та же агитация велась на местах.

В Закаспийском крае в целях выкачивания из населения денег на нужды войны духовенством была проведена кампания за отказ от обычно устраивавшихся там после уразы конских скачек. Мотив был такой: «неудобно веселиться», надо, как в прошлом году, «расходуемые на это деньги пожертвовать на нужды войны». Для того же, чтобы проникнуться праздничным настроением, предлагалось посещать мечети, которые специально готовились к приему верующих. Газета «Асхабад» сообщала об этом следующее:

«31 июля, в день мусульманского байрама... во всех местных мечетях были совершены молебствия о даровании победы русскому воинству. Мечети были битком набиты народом. Настоятель шушинской мечети мирза Мехти Гаибзадэ обратился к молящимся с кафедры со следующими словами: «Дорогие братья! Наша дорогая отчизна Россия по воле бога переживает трудную годину. Долг каждого из нас во всех своих молитвах обращаться ко всевышнему и просить его о победе (царской армии.—*Л. К.*). Не надо за-

бывать, что после каждого намаза (молитвы), который вы совершаете пять раз в день, прежде всего надо молиться за царя и его семью, ибо царь, как сказано в коране, — тень бога на земле [1]. Также не нужно забывать в своих молитвах доблестные русские армии... Да поможет им господь... победить дерзкого и сильного врага; да услышит он в этот священный и дорогой для нас день наши молитвы. Аминь».

То же повторилось и в 1916 г. Муллы, боровшиеся тогда против нараставшего революционного движения масс, были повсеместно заняты вербовкой и отправкой по назначению «пушечного мяса». Газета «Каспий» 10 августа 1916 г. передавала сообщения газеты «Юлдуз» из Сарапуля (Вятская губ.) о мерах, которые принимали в связи с этим мусульманское духовенство и байство.

«В день ураза-байрама, — писал «Каспий», — местный бай Наджмуддинов устроил проводы 500 солдатам-мусульманам, отправляющимся на театр военных действий. Розданы были деньги, чай и другие продукты. В день праздника, согласно распоряжению военных властей, солдаты были освобождены и совершали праздничный намаз в мечети. Имам Абубекров, поздравив воинов с байрамом, прочел молитву и произнес речь, в которой указал на долг гражданина. Затем предложена была суфра», т. е. угощение, обед.

Тогда же, 19 июля, в Тифлисе (Тбилиси) заместителем закавказского муфтия Алаэддин-эфенди Субханкуловым «совершено было торжественное молебствие по случаю последних военных успехов и побед русского оружия над врагом. Молебствие закончилось провозглашением здравицы государю императору, государыням императрицам» и другим членам царствующего дома и войску («Каспий» от 23 июля 1916 г.).

18 июля 1916 г. оренбургский муфтий послал кровавому самодержцу депешу, в которой, между прочим, писал:

---

[1] В коране такого текста нет и быть не могло, так как в период создания корана у арабов царей не было. Мулла Гаиб-задэ, обманывая верующих для возвеличения и освящения российского самодержца, отнес к нему формулу «Халиф — тень бога на земле его». Формула эта была сочинена служившими халифам богословами ислама и приписана ими пророку Мухаммеду. Позднее ее стали относить к султанам, хотя султанов в период раннего ислама не существовало.

«Сегодня мусульмане города Уфы и других местностей, собравшись на торжественное богослужение по случаю... рамазан-байрама, вместе со мной совершали молебствие о здравии и благоденствии вашего императорского величества и всей августейшей семьи. Я и моя паства дерзаем повергнуть к стопам вашего императорского величества чувства верноподданнической любви и преданности».

Из ставки верховного главнокомандующего Баязитов получил за подписью Николая II благодарственную ответную телеграмму.

Так мусульманское духовенство царской России и ее колоний помогало Николаю Кровавому обманывать народные массы, душить рабочих и крестьян.

* * *

В СССР многие верующие мусульмане до сих пор выполняют «предписания» ураза-байрама.

В Таджикистане враги народа устраивали среди мусульман-исмаилитов [1] инсценировки «мира», якобы существующего между бедняками и богачами. «Вожди» исмаилитов организовывали на ураза-байрам хождение за угощением в дома кулаков и т. д.

По произведенным в 1929 г. подсчетам, в автономных национальных областях Северо-Кавказского края (теперь Орджоникидзевский край и автономные советские социалистические республики и области Кавказа) на ураза-байрам муллы получали со 150 тысяч дворов одной садака до 325 тысяч рублей.

С целью приспособить ураза-байрам к изменившейся обстановке некоторые муллы распространяют сказки о «демократическом» или даже «коммунистическом» характере религиозных установлений ураза-байрама. Сбор фитр-садака,— говорят они,— это «забота о бедняках». Чтобы обмануть верующих, муллы устраивали за счет фитр-садака «угощения для всех мусульман».

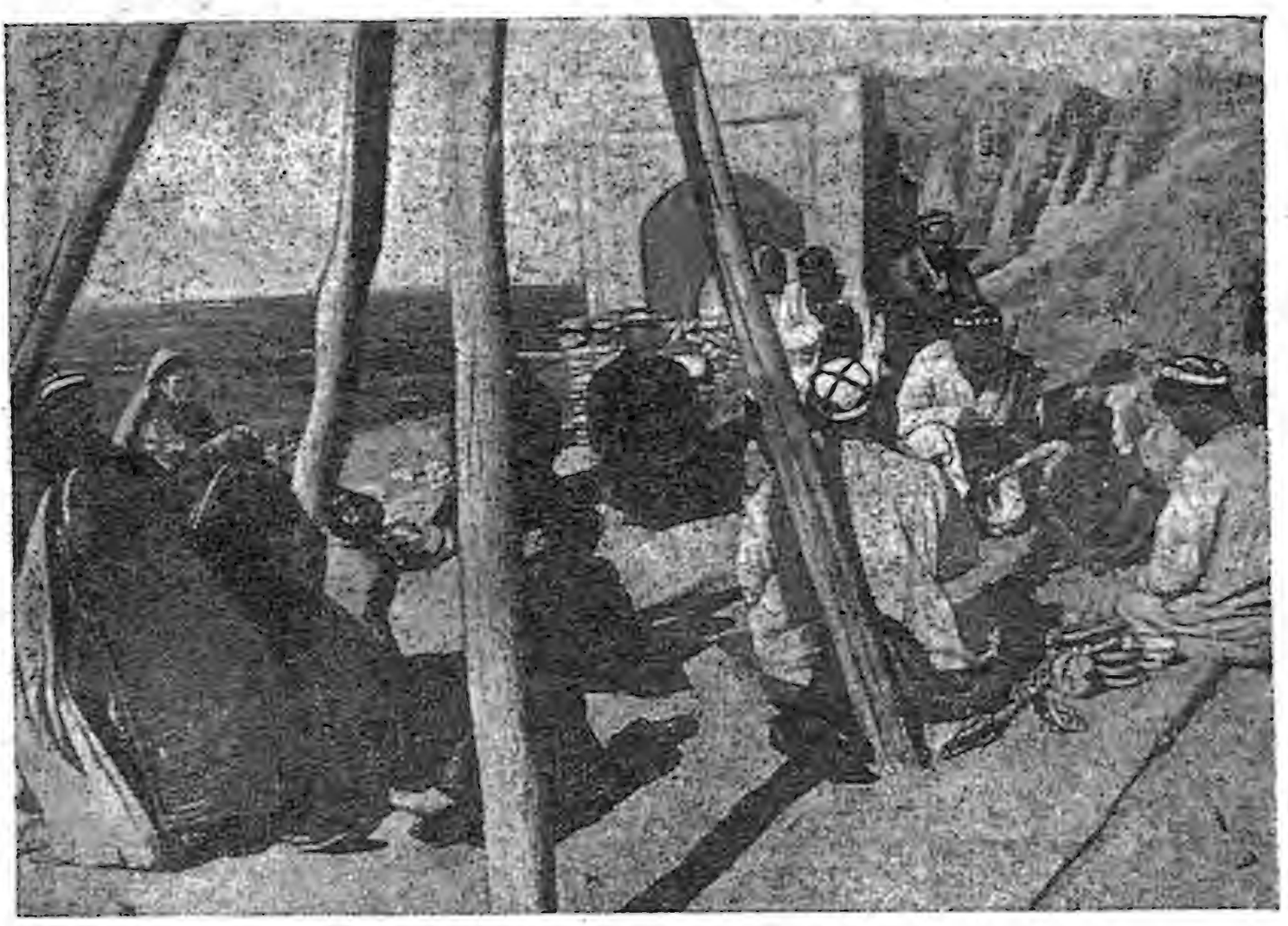
Ураза-байрам, как и другие религиозные праздники, отвлекает трудящихся от строительства коммунистического общества.

---

[1] Исмаилиты —мусульманские сектанты шиитского направления ислама. Секта возникла во второй половине VIII в. и существует в ряде стран Азии и Африки.

В 1936 г. в Орске «в день ураза-байрама многие рабочие на Водоканалстрое не вышли на работу. Выяснилось, что это результат «работы» классового врага, муллы, который приехал на стройку накануне праздника. Он агитировал, чтобы рабочие в день «байрама» на работу не выходили» («Орский рабочий» от 12 мая 1937 г.).

В 1937 г. враги народа пытались использовать ураза-байрам в своей борьбе против блока коммунистов и беспар-



У «святынь» на горе «Тахт-и-Сулеймание» («Трон Соломона»), на окраине города Ош Киргизской ССР

тийных на выборах в Верховный Совет Союза ССР. Факты, говорящие об этом, были зарегистрированы, например, в Узбекской ССР, в Ташкенте, Янги-Юле, Уч-Кургане. В Азербайджане, в Чахырлинском колхозе имени Кирова, Карадонлинского района, враги народа превратили подготовку к оруджлыку (ураза-байраму) в «кампанию» срыва хлопкоуборочной («Бакинский рабочий» от 29 ноября 1937 г.).

В Керчи в 1937 г. на праздничной молитве в мечети присутствовали школьники школ № 12, № 15 и имени Короленко. Школьники совершили из-за этого прогулы.

В 1939 г. в Омской области, в Чебурчинских юртах, одноименного сельсовета Тобольского района, в дни уразабайрама колхозники целую неделю не выходили на работу («Омская правда» от 18 января 1940 г.).

В Свердловском сельсовете Янги-Юльского района (Узбекская ССР), где не было дано отпора агитации ишана Якуба-Муллы, 14 ноября 1939 г., в день ураза-байрама, колхозники высушили и сдали государству вместо 100 тонн по плану всего 19 тонн хлопка-сырца («Правда Востока» от 17 ноября 1939 г.).

В целях отвлечения трудящихся от кампании по выборам депутатов в местные Советы трудящихся и нанесения возможно большего вреда хлопкоуборочной кампании мусульманское духовенство организовало также в эти дни всякие моления у разных «святых» мест. Например, в Орджоникидзеабадском районе Таджикской ССР мусульманское духовенство вело агитацию за посещение ко времени ураза-байрама «святого» мазара в кишлаке Чертак. 12 ноября 1939 г. у этого мазара ишанами и другими мусульманскими духовными лицами было организовано целое молебствие. Многие из-за этого прервали уборку хлопка и прекратили другие работы. Муллы, маскируясь, избирали местами главных праздничных богослужений не центральные городские мечети, а отдаленные культовые здания (например мазар шейха Зейн-уд-дина на самой окраине Ташкента). Такова тактика мулл.

КУРБАН-БАЙРАМ

Мусульманская сказка о происхождении курбан-байрама

Курбан-байрам — праздник жертвоприношения. Арабское слово «курбан» значит «жертва» (буквально «приближение»), «байрам», как мы уже говорили, — «праздник». Среди арабов курбан-байрам известен главным образом под названием «ид аль-азха», в Индии — «бакар-ид» и т. д.

В день курбан-байрама каждый мусульманин, по исламу, должен принести кровавую жертву и совершить молитву. В эти же дни мусульмане посещают могилы своих родственников и молятся за них. Раз в жизни верующий должен справить этот праздник в Мекке и ее окрестностях (Аравия), т. е. совершить туда религиозное паломничество —

хаджж. Последнее предписание, по учению некоторых мулл, обязательно, правда, не для всех. Мусульманское духовенство учит, что ради курбан-байрама верующий должен забыть все свои насущные дела.

Возникновение курбан-байрама мусульманское духовенство объясняет с помощью библейской сказки о жизни Агари, жены-рабыни Авраама, и о принесении последним своего сына Исаака в жертву богу (см. библию, кн. «Бытие», гл. 21 и 22). Рабгузи, написавший в 1310—1311 гг. мусульманские «Сказания о пророках» (Кысас аль-анбийя), так излагает эту сказку.

Раздоры между Саррой и Агарью, женами Авраама (по-арабски — Ибрагима) зашли весьма далеко. «Сарра, — говорит Рабгузи, — наконец, не выдержала и настояла, чтобы Ибрагим удалил Агарь в пустыню, между Меккой и Иерусалимом, где она родила вскоре сына, на лбу которого появился свет Мухаммеда.

В пустыне у Агари не было воды. Она завернула сына в одежды, положила его на землю, а сама пошла искать источник. От холма Сафа (около Мекки) она услышала голос: «Вот вода!», и от холма Мерва (около Мекки) услышала то же. Тогда она отправилась сначала по направлению к Сафа, но воды не нашла, потом пошла к Мерва и также не нашла воды. Семь раз прошла она между этими двумя холмами, как делают это современные мусульмане, путешествующие на поклонение к мекканскому храму Ка'бе [1], но воды все-таки не находила. В своих поисках она, наконец, обессилела и потому воскликнула: «Истами, я ил, ил», т. е. «услышь (меня) господи, господи». Отсюда и произошло имя Исмаила» [2]. Вернувшись на плач Исмаила, Агарь будто бы увидела, что он перевернулся, лежит лицом к земле и бьет ногами по воде. Курьер аллаха, ангел Джебраиль (архангел Гавриил) якобы вывел из этого места воду.

«Когда Исмаил вырос, Ибрагим хотел принести его в жертву вследствие повеления божия, данного ему во сне. Иблис (дьявол ислама. — *Л. К.*) всячески хотел воспрепятствовать такому богоугодному делу. Он явился к Исмаилу

---

[1] К а' б а — буквально «игральная кость». Назван так храм этот был еще до ислама, очевидно, по своему внешнему виду, так как имеет форму куба.

[2] На место библейского Исаака мусульманская сказка ставит Исмаила; Исаак, по мусульманским представлениям, — второй сын Авраама.

в образе человека и убеждал его не повиноваться воле родителей. Исмаил не согласился. Когда Исмаил был уже около того места, на котором предполагалось его жертвоприношение, Иблис снова явился к нему в образе неизвестного мужчины и начал свои козни. Тогда Исмаил сказал Ибрагиму: «Батюшка, пришел какой-то человек и соблазняет меня». Ибрагим отвечал ему: «Это шайтан. Ударь

Ибрагим приносит в жертву аллаху Исмаила. Рисунок из учебного пособия мусульманских школ «Чудеса творений» («Аджаибу-ль-махлюкат»)

его камнем». Исмаил так и сделал. Обычай современных мусульман — бросать во время хаджжа камнями в долине Мина, — говорит Рабгузи, — ведет свое начало из рассказанного обстоятельства... Побив так Иблиса, Ибрагим приступил к жертвоприношению. Нож уже коснулся было горла Исмаила, как бог сказал Джебраилю: «Спеши скорее к рабу моему и притупи лезвие ножа». Одним взмахом своих крыльев Джебраиль достиг земли и затупил нож, прежде чем он начал резать горло Исмаила. Три раза Ибрагим начинал резать, наконец, разгневался и отбросил нож. Тогда нож сказал Ибрагиму: «Ты говоришь мне — «режь», а гос-

подь говорит: «не режь!». Лучше будет, если я исполню повеление божие, а не твое»...

Когда Ибрагим увидел, что Джебраиль несет барана, то воскликнул от радости: «Нет бога, кроме аллаха, велик аллах!». Баран этот был принесен в жертву еще Авелем и теперь, разжиревши в раю, снова был ниспослан на землю для вторичного заклания[1]. Спустя некоторое время после жертвоприношения Исмаила Ибрагим и Исмаил приступили к построению Ка'бы и построили ее».

Рассказ этот в своих деталях имеет ряд вариантов. Притом богословы ислама обычно отмечают, что мифическое построение Ка'бы Ибрагимом было, собственно, не строительством нового здания, а лишь отыскиванием старого фундамента храма, сошедшего с небес в долину Мекки еще при Адаме.

Окончив возведение Ка'бы, Ибрагим с Исмаилом, по указанию ангела Джебраиля, якобы обошли вокруг нее семь раз, обязательно касаясь при этом всех ее четырех углов. Затем они дважды преклонялись, молились, семь раз бегали между холмами Сафа и Мерва, кидали в Иблиса камнями в долине Мина и т. д. Наконец, Ибрагим, наученный Джебраилем всем обрядам хаджжа, получил приказание от бога объявить клич всем людям, чтобы они пришли на поклонение к Ка'бе. «Да ведь моего голоса они не услышат», — ответил Ибрагим. «Исполняй то, что я тебе приказываю,— сказал бог,— я сделаю так, что они тебя услышат». Для этого Ибрагим стал на большой камень, который ему служил лестницей при построении Ка'бы, и камень поднялся так высоко, что превысил все горы. Обратившись последовательно ко всем четырем странам света, Ибрагим воскликнул: «О, люди! Вам предписано ходить на поклонение в древний храм, слушайтесь вашего господа». И со всех сторон отвечали: «Ляббейка, аллахюмма, ляббейка!» (т. е. «я пред тобой, о боже мой, я пред тобой»). Следы ног Ибрагима якобы отпечатались на камне, почему его до сих пор чтят как «святыню» и зовут «макам Ибрагим», т. е. «стояние Авраамово».

Историческая наука давно уже доказала, что Ибрагим (Авраам), Исмаил, Агарь являются личностями сказочными, никогда не существовавшими. Их не было никогда так же,

---

[1] По учению мусульманского богословия, баран этот был четвертым по счету из шести творений аллаха, которые якобы явились в мир без отца и без матери.

как нет и не было никогда связываемых с ними аллаха (бога), Иблиса (дьявола), Джебраиля (ангела), рая, ада и т. д. Представления об этих «героях» иудейских, христианских, мусульманских и иных позднейших религиозных сказок возникли в очень древние времена, когда человек находился на чрезвычайно низкой ступени общественного развития.

Иудейское так называемое священное писание, из которого ислам заимствовал сказку об Ибрагиме (Аврааме) и Агари, как указывает Ф. Энгельс, «...было не чем иным, как записью древне-арабских религиозных и племенных традиций, несколько видоизмененных ранним отделением иудеев от соплеменных им, но еще кочующих соседей...» [1]. Под именами усвоенного исламом культа библейского Ибрагима (Авраама) и его «родни» скрываются чтимые древне-еврейские родовые духи и божества отдельных племен.

Делая выводы из материалов книги Чарльза Форстера «Историческая география Аравии» («The historical geographie of Arabia»), Ф. Энгельс в письме к К. Марксу (около 18 мая 1853 г.) пишет: «Приведенная в книге Бытия генеалогия Ноя, Авраама и т. д. есть не что иное, как довольно точное перечисление существовавших в то время племен бедуинов по степени родства их диалектов и т. п. Племена бедуинов до сих пор носят такие названия, как Бени-Салед, Бени-Юсуф и т. п., т. е. сыновья того-то или того-то. Такого рода названия, имеющие свое обоснование в условиях патриархального строя, приводят в конце концов к такого рода генеалогии» [2].

Усвоение исламом культа Ибрагима (Авраама) облегчалось тем, что он сходен с мотивами древнеарабской мифологии. Древние арабы и древние евреи имели общее происхождение и близкие религиозные верования, легенды и т. д. «...Иудеи,— указывает Ф. Энгельс,— являются не чем иным, как мелким племенем бедуинов, которое вступило в конфликт с другими бедуинами лишь в силу местных условий, земледелия и т. д.» [3].

Заимствовав сказку об Ибрагиме (Аврааме) из древнееврейской мифологии, ислам приспособил ее к интересам

---

[1] Ф. Энгельс — Письмо К. Марксу. Без даты (около 18 мая 1853 г.). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 484.

[2] Там же, стр. 483.

[3] Там же.

арабских феодалов. Сказкой об Ибрагиме и Исмаиле по-новому были объяснены древнеарабские святилища Мекки, хаджж и праздник жертвоприношения (курбан-байрам).

Побуждая верующих ежегодно в день курбан-байрама приносить кровавые жертвы аллаху, мусульманское духовенство до сих пор ссылается на сказку о готовности Ибрагима заклать своего сына Исмаила.

Наставления к совершению курбан-байрама подробно изложены в религиозно-правовом кодексе ислама — шариате. Наставляют в этом верующих также десятки «неисчерпаемых морей преданий», как называет мусульманское богословие сочинителей всевозможных историй и поучений ислама.

Вот слова одного из таких сочинителей, Ибн-Аббаса, который, судя по мусульманскому сказанию, преданно служил верхам халифата. В подтверждение того, что в дни праздника жертвоприношения необходимо приносить жертву, Ибн-Аббас говорит: «Из каждой капли жертвенного животного бог сотворит одну гурию [1]. День курбана — самый праздничный день, девять дней зу-ль-хиджже следует поститься, а в десятый приносить жертву. Этот день — самый благоприятный. Это день выхода из ада и вступления в рай. Кто приносит жертву, тому бог пошлет ангелов и они будут ходатайствовать перед богом, чтобы не было дано ему ада... Ангелы скажут о таком человеке, что он мусульманин и исполнял постановления ислама».

В день страшного суда (махшар), по словам мулл, принесенные мусульманами кровавые жертвы дадут им возможность благополучно миновать Сират; это — мост, перекинутый над адом, он тоньше женского волоса и острее лезвия меча [2]. У входа на Сират будут находиться верблюды, коровы, бараны, заколотые мусульманами в дни курбан-байрама. Заклавшие их с религиозной целью мусульмане получат их здесь и на них покойно переедут Сират. Те же, кто не приносил этих жертв, не имея на чем переехать через этот сказочный мост, не удержатся на нем и попадут в ад.

---

[1] Гурия (по-арабски «хур») — черноокая дева, обещанная мусульманам в раю.

[2] Такое представление о мосте, якобы переброшенном через ад, заимствовано исламом из религии древнего Ирана—зороастризма. Еще в правление иранской династии Сасанидов (III — VII вв. н. э.), до возникновения ислама, сказка о мосте Сирате (по-пехлевийски—«чинвот») была изложена в зороастрийском сочинении «Ардаг Вираф намак».

Подобными баснями муллы запугивают верующих и склоняют их если не к совершению хаджжа, то к принесению курбана, жертвы у себя на-дому.

Курбан-байрам — праздник древних арабов

Мекка — центр устремлений паломников-мусульман и место особенно торжественного совершения курбан-байрама — была в доисламские времена крупным религиозным

Мекка. На первом плане — двор мекканской мечети, в центре которого — храм Ка'ба

центром Западной Аравии. Находящийся в ней храм — Ка'ба — обслуживался жрецами, принадлежавшими, повидимому, к мекканской родовой верхушке. Этот храм еще задолго до ислама превратился из местного племенного святилища в своеобразный культовый центр божеств арабских племен, зависевших в хозяйственном отношении от Мекки.

Ко времени возникновения ислама (конец VI в.— первая половина VII в. н. э.), когда особенно усилился процесс централизации арабских племен, Ка'ба приобрела еще большее значение. Централизация арабских племен находила идео-

логическое выражение в централизации родовых и племенных культов арабов. Предание говорит, что общее число находившихся в Ка'бе изображений божеств достигло к этому времени 360. Среди них имелись боги главные и боги подчиненные.

Господствовавшие круги населявшего Мекку племени курейшитов вели обширную торговлю и старались возможно шире использовать Ка'бу в своих интересах. Включив в число божеств Ка'бы изображения богов соседних арабских племен, родовая знать и купечество Мекки намеревались достигнуть политической и религиозной (как дополнение к экономической) зависимости этих племен от Мекки. С той же целью мекканцы приурочивали время своих религиозных торжеств к происходившим в Мекке торговым ярмаркам, устраивавшимся в период «запретных месяцев»: шаввaля, зу-ль-ка'да, зу-ль-хиджже и мухаррема. В течение этих месяцев прекращались междоусобицы, войны, грабежи, и торговые караваны получали возможность спокойно двигаться по стране. Очевидно, сами торговые сделки, совершавшиеся в Мекке, особенно во время ярмарок, тем или иным путем освящались святыней Ка'бы. Последняя получила широкую известность, ею даже клялись. «Клянусь горою... клянусь посещаемым домом...», т. е. Ка'бой,— говорит коран (гл. 52, ст. 1 и 4). И не только ею, но и совершавшимися у Ка'бы религиозными торжествами клялись арабы. Так, в произведении аш-Шахрастани «Китаб аль-милаль ва н-нихаль» («Книга религиозных и философских сект») содержится стих доисламского поэта аль-Гадви, в котором сказано:

«Клянусь домом, к которому совершают хаджж курейшиты. Клянусь местом святых путешествий благородного племени». Таким образом, хаджж уже в доисламскую эпоху был известен как паломничество, в котором культ Ка'бы играл первенствующую роль.

Ка'ба была «домом посещаемым» не только для самих курейшитов, но и для большого количества других арабских племен, как сообщает, например, тот же аш-Шахрастани. Между прочим, последний, перечисляя некоторые племена и роды арабов, не совершавших хаджжа, отмечает, что это были те, кто «не признавали нерушимости священных месяцев и священной области». То или иное арабское племя принимало или не принимало участия в церемониях мекканского хаджжа в зависимости от того, считало ли оно для себя целесообразным соблюдать нерушимость «запрет-

ных месяцев», что обусловливалось причинами материального и политического порядка. Религиозные убеждения роли здесь не играли. Конечно, были причины и идеологического порядка, но обычно практические мотивы преобладали.

В чем заключаются обряды хаджжа?

Входя в «священную» область Мекки, арабы снимали свою обычную одежду и надевали специальное одеяние хаджжиев, так называемый ихрам. Вступив в Мекку, они совершали семикратный обход Ка'бы, поклонялись ей и целовали или прикасались к ее «святыне» — черному камню[1], затем семь раз бегали между холмами Сафа и Мерва, на которых по преданию находились изображения божеств. Вслед за этим совершалось хождение к горе Арафат, отстоящей от Мекки на расстоянии приблизительно шести часов пути. После посещения Арафата хаджжии в сопровождении специального лица направлялись в долину Муздалифу, где зажигался огонь; это шествие называлось ифадат. Затем все двигались в долину Мина, само наименование которой означает место жертвоприношения, пролития крови жертвенных животных. Здесь было семь идолов или «священных» камней. Паломники кидали в «шайтанов» камешки, совершали жертвоприношения и вкушали мясо жертвенных животных. По окончании всех этих обрядов хаджжии возвращались к мекканской Ка'бе. Совершив снова обходы вокруг нее, паломники заканчивали хаджж и снимали с себя ихрам.

Содержание описанного обряда ярко выявляет лживость всевозможных историй, рассказываемых мусульманскими богословами в целях «объяснения» происхождения курбан-байрама и связанного с ним хаджжа.

Главное место среди обрядов хаджжа занимает обычай жертвоприношения. Все предшествующее и последующее подчинено этому обычаю и связанным с ним обрядам.

Установить точно, когда именно праздновался в доисламский период курбан-байрам, пока еще не удалось. Вероятнее всего, он приходился на осень, но точно дата курбан-

---

[1] Черный камень (по-арабски аль-хаджар аль-асвад) представляет собой кусок лавы или базальта метеоритного происхождения. В настоящее время черный камень состоит из трех больших кусков и одного осколка, которые вделаны на высоте 1,5 метра в восточный угол Ка'бы; они окружены каменным барьером и серебряным обручем. Цвет «черного камня» серый с красными и черными вкраплениями; точно определить его породу трудно, так как видимая поверхность черного камня отполирована и почернела от многочисленных прикосновений и поцелуев мусульман.

байрама, повидимому, долгое время не была фиксирована.

Обряды курбан-байрама целиком подтверждают его древнее происхождение. Жертвоприношения у арабов в доисламские времена были широко распространены и совершались не только у мекканской Ка'бы.

«Я клялся торжественно жертвенными камнями
Укайсира
И тем местом, где собирают остриженные волосы
передней части головы вместе со вшами»,—

говорит стих Зухейра-ибн-Абу-Сольмы об идоле восточной Сирии аль-Укайсире. Приводящий эти стихи Якут, автор географического словаря XIII в., замечает, что, по свидетельству Ибн-Хишама, к аль-Укайсиру совершались религиозные путешествия, т. е. паломничества, «и стригли перед ним свои головы». Джаухари приводит стих еще одного поэта:

«Я клялся кровью, текущею около Ауда,
И жертвенными камнями, поставленными у Саира».

То же мы найдем и у одного арабского поэта (в «Дивине»— поэтическом сборнике Набиги Зубьяни) относительно Ка'бы:

«Но нет, клянусь жизнью того,
К чьей Ка'бе я прикасаюсь, и кровью,
Возливаемой на жертвенные камни».

«Хамаса», весьма ценный сборник отрывков и цельных произведений старых арабских поэтов, частью относящихся к доисламскому времени, также содержит указания на совершение арабами обрядов хаджжа до ислама, например:

«Я совершал хаджж за хаджжем и водил жертвенное животное в эту долину», т. е. долину Мина близ Мекки.

В стихотворении Хабибы-бинт-Абд-аль-Уззы один стих подтверждает сообщение корана об украшениях на жертвенных животных, ведомых к Ка'бе (гл. 5, ст. 2 и 98).

В «Хамасе» также находим свидетельства, близкие к текстам корана (например к гл. 22, ст. 37). Так, в «Хамасе» читаем:

«Я клянусь теми (жертвами), что заклали они
рано утром в долине Мина
У кучи набросанных камней, (жертвами) которых
обременяют путы».

Что это за жертвы, для чего они приносились?

Коран говорит по этому поводу: «Бог установил для

людей местом молитвы Ка'бу — этот запретный дом — также запретный месяц, жертвенные животные, украшения на них; это для того, чтобы вы знали, что бог... всезнающ. Знайте, что бог строг в наказании, что бог прощающий милосерд» (гл. 5, ст. 98). Но коран делает такое предупреждение своим последователям: «Не мясо, не кровь их (жертвенных приношений.—*Л. К.*) восходят к богу; но восходит к нему ваше благочестие. Он покорил вам их для того, чтобы вы величали его за то, что он поставил вас на прямой путь» (гл. 22, ст. 38). Из этого стиха корана следует, что были, следовательно, не шедшие по «прямому пути», которые думали о целях жертв своим богам иначе, чем авторы корана.

Академик Н. Я. Марр полагает, что слово «курбан» в своем происхождении смыкалось с арабским же словом «коран» (кур'ан) и первоначально обозначало бога, тотемное божество. Следовательно, древние арабы, поедая зарезанные ими жертвы (курбан), как бы «причащались», вкушали тело и кровь своего бога. Подобные обряды совершали древние евреи и другие народы, находившиеся на стадии родового общества. В измененном виде обычай этот сохранился и в христианской литургии, при которой священник, вырезая из просфоры «агнца», причащается «плоти бога» путем вкушения этого куска хлеба, в котором якобы воплощается бог Иисус Христос.

Коран выступает с новым толкованием этих старых обычаев, так как выражает интересы верхушки возникающего феодального арабского общества, боровшейся с установлениями родового строя. Но ко времени происхождения ислама, конечно, смысл курбан-байрама уже в значительной мере был другим, чем в период возникновения обычая приношения кровавых жертв богам. Даже сама жертва, как ясно следует из ряда источников, изменилась. Раньше во время курбан-байрама в жертву приносились не только животные, но совершались и человеческие жертвоприношения.

В мусульманском богословии также сохранилось воспоминание о человеческих жертвоприношениях, что нашло отражение в объяснении курбан-байрама библейским мифом о попытке принесения Исаака в жертву его отцом Авраамом. Этот миф символизирует время перехода от человеческих жертвоприношений к принесению в жертву животных. В мусульманском мифе Исмаил заменяется бараном.

Об этом же говорит и мусульманская легенда об Абду-ль-

Мутталибе, который, судя по мусульманской традиции, в десятилетия, непосредственно предшествовавшие возникновению ислама, встал во главе мекканской родовой знати. Достигнув такого высокого положения, Абду-ль-Мутталиб беспокоился об одном: у него был только один сын. Поэтому он стал долго молиться в Ка'бе, прося бога дать ему 10 сыновей, обещая старшего из них принести в жертву богу. Молитва его была услышана, и желание удовлетворено даже с излишком. И однако Абду-ль-Мутталиб не принес в жертву своего старшего сына Абдаллаха. Бог разрешил ему принести в жертву вместо сына 100 верблюдов. Параллель к легенде об Исмаиле полная.

Но не только это говорит о человеческих жертвоприношениях, лежащих в основе мусульманского обычая до сих пор приносить жертвы. Мусульмане и теперь в дни хаджжа стригут и бреют себе волосы. Коран говорит по этому поводу: «Не брейте ваших голов, пока жертва не достигнет до места и времени ее заклания» (гл. 2, ст. 192). В древности этот обряд, потерявший теперь всякий смысл, имел серьезное значение. Он символизировал замену приношения целого частью: человека — его волосами.

В вышеприведенном стихе Зухейра-ибн-Абу-Сольмы мы видели, что перед идолом аль-Укайсиром стригли волосы. При этом, по замечанию Ибн-Хишама, стригший себе голову смешивал остриженные волосы с горстью муки и, обращаясь к идолу, говорил: «дай мне этого», т. е. муки. Потом волосы смешивались с мукой и, испеченные в виде хлеба, съедались.

Этот обычай, как нам кажется, говорит о двух моментах. Во-первых, мы имеем здесь недвусмысленное указание на возможность принести в жертву вместо человека лишь его волосы, которые у арабов считались символом силы. Явление это — не исключение, параллели ему встречаются у многих народов, близких арабам по своему происхождению. В библии содержится рассказ о Самсоне, вся сила которого была в волосах. Когда коварная Далила срезала с Самсона волосы, он был обессилен. Пережитки этого древнего верования многообразны. Например, на Кавказе у пшавов до недавнего времени сохранялся обряд срезания косы у женщины в случае смерти ее брата. Этот обряд имел символическое значение: он заменил более старый обычай принесения себя в жертву на могиле покойника.

Во-вторых, обряду приготовления хлеба из муки и остри-

женных перед божеством волос с последующим поеданием этого хлеба могли придавать и магический смысл. Об этом прямо говорят слова, с которыми при совершении этого обряда арабы обращались к своему божеству: «дай мне этого», т. е. муки. Ясно, что такой обряд мог иметь место лишь у арабов оседлых, земледельцев. Однако при чем же тут волосы? А дело в том, что волосы как символ силы и могущества, по вере древнего араба, могли заменять человеческую жертву, кровь и мясо которой ранее, очевидно, примешивали к испекаемому хлебу.

Принося и поедая жертвы, древние арабы верили, что этим самым они добьются единения со своими богами и умилостивят их. Боги за это, мол, отвратят от них злые стихии и обеспечат плодородие природе; в первую очередь, дадут рост и богатый приплод их скоту, затем дадут хороший урожай злакам, финиковым пальмам и т. д. Поедание жертвы, по верованиям древних арабов, было верным залогом того, что боги должны позаботиться об их скоте, хозяйстве.

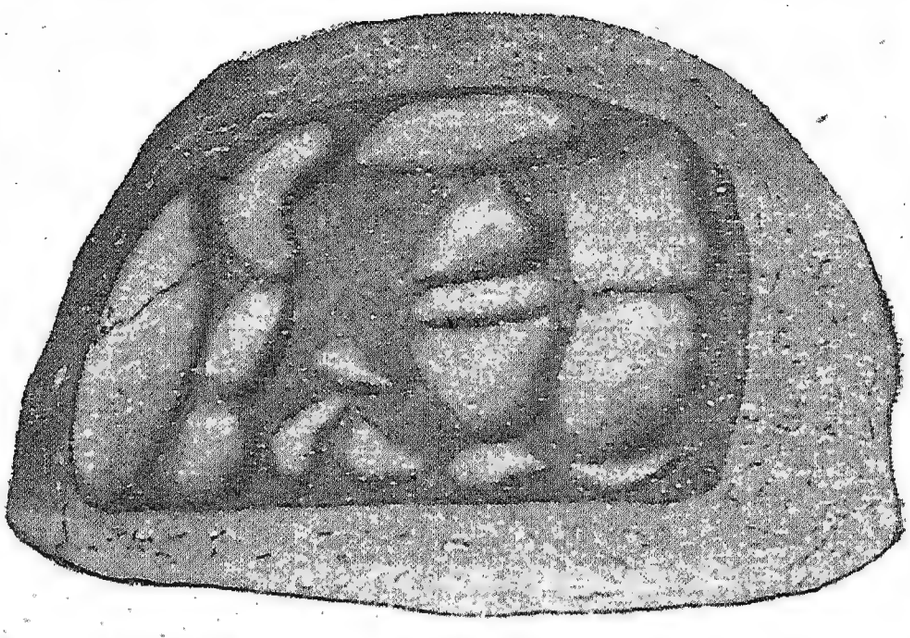
Количество приносимых богам жертв было обусловлено общественными и хозяйственными мотивами. Приношение жертвы соответствовало определенному хозяйственному периоду жизни скотовода. В это время по хозяйственным соображениям устанавливался запрет на охоту на некоторых употреблявшихся в пищу животных. Отголоски этого древнеарабского установления имеются и в коране.

Каждый из обрядов курбан-байрама в деталях, как и весь праздник в целом, есть наследие той древней эпохи, когда человек всецело зависел от природы и был беспомощен в борьбе с нею.

Бессилие первобытного человека в борьбе с природой породило в нем веру в богов, чертей и разных духов. Путем совершения тех или иных обрядовых действий человек стремился воздействовать на духов и повлиять на явления, от которых зависели его хозяйство и жизнь, в благоприятную для него сторону. Такое же значение, по представлению древних арабов, имели и обряды хаджжа. А обычай надевания при входе в область Мекки особого ритуального одеяния (ихрам) был вызван существовавшими в доисламской Аравии общественными отношениями, которые он и консервировал.

Еще задолго до возникновения ислама отдельные роды

и племена арабов имели свои земельные территории — «хима». На хима обычно находился центр постоянной и временной оседлости рода или племени. Хима, по верованиям арабов, была под защитой их родовых и племенных богов, святилища которых находились на ее территории. Вступая на чужую хима, араб мог чувствовать себя в безопасности, лишь став под защиту божества этой хима и выказав мирные цели своего прихода. Обряд надевания ихрама, т. е. особой одежды (или придания своей обычной одежде особой формы) как-раз и имел этот смысл. Однако чужаку, выразившему таким образом свои мирные намерения, запрещалось на территории чужой хима рубить деревья, охотиться и т. д. Установление это нашло отражение в коране, говорящем, что верующие не должны убивать «изловленного на охоте», когда они «в запретной одежде», т. е. когда на них надет ихрам (гл. 5, ст. 96).



Черный камень Ка'бы

Магическое значение обрядов древнеарабского праздника жертвоприношения и связанного с ним хаджжа сохранено и в исламе. Например, исполняемый и посейчас хаджжиями обряд бросания камешков в долине Мина имеет целью отогнать злых духов, джиннов и тому подобную «чертовщину», которая, по мнению древних арабов, могла нарушить благополучный результат жертвоприношения. Это — обряд, подобный магическим установлениям ряда религий. Сама Ка'ба тоже не являлась каким-то исключением, «домом Ибрагима». Подобные «дома» были и в Южной Аравии, где к ним также совершались паломничества; были они и в Палестине у хананеян. Действительно, разве не та же Ка'ба — «божий дом», «бэтель», или «вифиль», древних евреев? Да и «черный камень» Ка'бы—один из элементов широко распространенного у многих народов почитания камней. Например, в Меланезии некоторым «священным» камням приписывают ряд чудесных свойств, в зависимости от их формы. Древние греки,

как и в наше время на островах Крите и Мелосе, почитали всевозможные «молочные» камни. Жители одного самоанского селения тщательно хранят камень, который считается олицетворением бога, посылающего дождь. В Сагами (Япония) тоже имеется камень, который, по мнению верующих, вызывает дождь, если его полить водой. В центральной Африке племя вакондио отправляет даже своеобразную паломническую делегацию к «дождевому камню», обладателем которого является соседнее племя вавамба.

Культ камней широко распространен и в исламе. Например, в Мекке наряду с «черным камнем» мусульмане почитают упомянутые уже «стояние Авраамово» (макам Ибрагим), «счастливейший камень» (аль-хаджар аль-ас'ад) и т. д.

Близ Таифа (Хиджаз) мусульмане совершают паломничество к большому серому камню, который в прошлом был связан с культом древнеарабской богини аль-Уззы. Прикасаясь к этому камню, мусульмане надеются получить исцеление от разных недугов. Но в исламе, конечно, почитание как этого, так и других камней объяснено рядом новых, мусульманских легенд. Так, в Мекке показывают камень, якобы находившийся в доме Абу-Бекра (полулегендарный первый халиф, 632—634 гг.) и приветствовавший «пророка» Мухаммеда при посещении им дома в отсутствие хозяина. Близ Медины мусульмане почитают камень, из которого, по приказу пророка, будто бы капало оливковое масло. В Алеппо, по сообщению Якута, мусульмане, иудаисты и христиане совершали паломничество к одному камню. Они окропляли его розовой водой и иными благовониями, а также совершали возле него жертвоприношения.

Можно было бы привести сотни и даже тысячи параллелей к каждому из обрядов курбан-байрама. Все это убедительно доказывает лишь одно: хаджж, как и весь культ мекканской Ка'бы и всевозможные местные курбаны, является пережитком далекой древности.

Факт этот был многим ясен давно. Например, черному камню уже в первые века ислама многие из мусульман не хотели поклоняться. В свое оправдание эти люди приводили следующие слова, с которыми якобы обратился к черному камню халиф Омар (634—644 гг.): «Мне хорошо известно, что ты — только камень, который не может приносить ни пользы, ни вреда. Если бы я не видел, что тебя целовал пророк, то я бы никогда не целовал тебя».

Людей, высказывавших подобные взгляды, мусульман-

ское духовенство объявляло еретиками и жестоко преследовало. Например, в 1023 г. на хаджже в Мекке произошел такой случай. Некто из верующих после окончания публичной молитвы с палкой в одной руке и мечом в другой, приблизившись к черному камню под предлогом его обрядового целования, стал бить по камню, восклицая при этом: «Как долго вы хотите еще поклоняться камням и людям, призывать Мухаммеда и Али! Пусть никто не посмеет удержать меня, иначе я разрушу весь этот дом». Среди собравшейся толпы произошло большое смятение; нашлись люди, которые стали на сторону этого смельчака. Но, конечно, «еретик» был схвачен; вместе с ставшими на его сторону другими верующими он был приговорен к смертной казни. Вынесенный мусульманским духовенством приговор исходил из того, что этот «еретик» якобы стал последователем учения, провозглашенного одним из жителей Мекки за четыре века до него при тех же обстоятельствах; тогда «еретик» стал жертвой ярости фанатиков.

Из древнеарабского — мусульманский праздник

Со времени возникновения ислама Мекка стала религиозным центром не только для населявшего ее племени курейшитов и находившихся поблизости от Мекки арабов, но и для всех мусульман ряда областей Аравии, а затем огромной арабской империи халифов и, наконец, всех мусульман, рассеянных на большой территории, в основном в Азии и Африке. Как следствие этого, курбан-байрам, ранее бывший местным арабским праздником, превратился в общий праздник всех мусульман, среди которых оказалось много и неарабов. Связанное с праздником жертвоприношения паломничество потеряло первоначальный характер. Мекка стала религиозным центром, подобно Иерусалиму, Бенаресу, Лхасе.

Ислам не только сохранил, но и развил торговое значение хаджжа. Торговля, как и в древние времена, разрешена исламом в дни курбан-байрама.

«Не будет на вас греха в том,—указывается в коране,— что будете искать щедрых даров господа вашего», т. е. вести торговлю, в дни «торжественного праздника» — курбан-байрама (гл. 2, ст. 192, 194). В целях борьбы со старыми многобожными религиями, которые сменил ислам, культу мекканской Ка'бы было дано новое объяснение. Для этого,

как мы уже знаем, была использована библейская сказка о «праотце» Аврааме.

Распространение ислама за пределами Аравии сделало практически невозможным ежегодное паломничество в Мекку. Уже коран говорит о необязательности совершения хаджжа ежегодно всеми мусульманами (гл. 3, ст. 91). Позднее в исламе были установлены жертвоприношения богу в дни курбан-байрама не только в Мекке, но и во всех местах, где живут мусульмане.

Вместе с тем изменилась и связанная с курбан-байрамом идеология. Старые религиозные представления, возникшие еще в период родоплеменного быта, уступают место классовой идеологии феодального общества, что отразилось и в обрядах курбан-байрама.

Более чем за неделю «правоверные» начинали готовиться к курбан-байраму. В эти дни в городах и других населенных пунктах царило особое оживление. Улицы, площади, дворы мечетей наполнялись баранами, козами, быками и верблюдами, иногда размалеванными красной краской и увешанными всевозможными магическими ожерельями. Эти животные откармливались специально для жертвоприношения. Муллы агитировали: «Хороших и тучных животных мы назначили для жертвенных приношений ваших богу, за них вам будет добро» (коран, гл. 22, ст. 37).

Шла торговля изюмом, рисом, медом и маслом.

Это время «священно». С первого числа месяца зу-ль-хиджже объявлялся пост, продолжавшийся до наступления праздника курбана. Выполнение этого поста считалось большой заслугой перед богом. Наконец, на 10-й день зу-ль-хиджже наступает первый день праздника.

Еще ночью, чуть свет, оглушительный барабанный бой, обычно сопровождавшийся в больших городах пушечными выстрелами, призывал мусульман к первому утреннему салату («салат» — по-арабски, «намаз» — по-персидски —молитва). И тотчас темные и узкие улицы восточных городов наполнялись верующими, идущими в мечеть.

По окончании утреннего моления верующие расходились по домам, где, не вкушая ничего, ждали призыва к праздничной молитве, а затем выходили на улицу, собирались группами и начинали хором петь «такбир» (славословие): «Аллах акбар!», т. е. «бог велик!». Пропев славословие три раза подряд, верующие останавливались, опять пели его три

раза и шли дальше. По пути к поющим присоединялись другие группы, и все вместе с пением такбира отправлялись в мечеть, где садились, ожидая молитвы.

Праздничное богослужение начиналось с хутбы (проповеди), которую произносил мулла или другое облеченное «благочестием» лицо с минбара (возвышение, кафедра), держа посох в руке. Проповедь обычно начиналась с прославления

Жертвоприношение в день курбан-байрама в султанской Турции

бога, его пророков, посланников и царской власти. Затем разъяснялись «происхождение» и «значение» хаджжа и приношения жертв (курбанов). Рассказывалась уже известная нам сказка о жертвоприношении Исмаила Ибрагимом. В память и в подражание закланию Ибрагимом «разжиревшего в раю» барана вместо Исмаила мусульманам настойчиво предписывается приносить жертву, конечно, не посланную аллахом, а приобретенную подчас за счет тяжелого труда и лишений трудящегося мусульманина. Настоятельную необходимость жертвоприношения муллы подтверждают десятками аргументов, обещая за него прелести рая и запугивая нерадивых ужасами ада.

По окончании проповеди мусульмане, вернувшись домой и надев свои лучшие платья, шли обычно на кладбище молиться за умерших. Придя с кладбища домой, здоровались и поздравляли друг друга, а затем отправлялись во двор, где приступали к жертвенному обряду.

Над связанной, приготовленной к закланию жертвой (голова жертвы должна быть обращена в сторону Мекки) большей частью мулла или муэззин [1] читает молитву, в которой вспоминается жертвоприношение Ибрагима, а владелец жертвы перерезывает ей в это время горло. Жертва должна быть известного возраста (однолеткой) и не должна иметь телесных недостатков, все части ее должны быть целыми. При этом, так же как и жертвы древних арабов, жертвы мусульман различаются по своему значению. Так, например, овца и коза могут быть принесены за «грех» только одного человека, корова или бык — за семь человек, а верблюд за десятерых. Жертву можно, а по объяснению некоторых законоведов ислама, и должно приносить не только за живых, но и за умерших. Кожи всех принесенных в жертву животных, как правило, отдаются мулле и муэззину. Мясо варят и съедают за общей трапезой, опять-таки при участии муллы или муэззина, которые и в последующие три-четыре дня праздника навещают правоверных: угощать их в эти посещения — обязанность принесшего жертву.

Трапеза поедания жертвы прямо говорит о совпадении этого мусульманского «таинства» с бывшим у древних евреев обычаем поедания на пасху ритуального мяса, с христианской евхаристией (причащением) и с десятками подобных «таинств» других религий. На это указывает и традиция, упоминаемая мусульманским писателем Лисаном: «Характеристика этой общины (т. е. мусульманской) заключается в том, что ее курбан есть ее кровь». Родовой характер празднества не раз подчеркивается и сунной, т. е. «священным» преданием ислама.

Необходимость совершать хаджж и местные жертвоприношения и в наши дни тщательно пропагандируется мусульманским духовенством. В результате этой пропаганды десятки тысяч верующих совершают паломничество в Мекку и испытывают связанные с этим лишения.

Вот, например, как описывает условия хаджжа в Мекку один верующий мусульманин, совершивший его из Египта в 1927 г.:

«Мы прибыли на пароходе в Джедду (порт Хиджаза в 70 км от Мекки). Стояла невыносимая жара, доходившая до 55 градусов в тени. Толпы паломников уже заняли все

---

[1] Муэззин (то же азанчи) — низшее духовное лицо, в обязанности которого входит призыв мусульман к молитве.

жилые помещения, расположились на всех площадях и улицах. Двинулись в путь в святую Мекку. Ни одного дерева, ни одной былинки. Огненный песок жжет ноги. Воздух не годен для дыхания — он насыщен зловонием, особенно около лагерей паломников. Вода — магическое слово в этой местности. Ее здесь нет. В Хиджазе нет ни одной реки. Большинство колодцев высыхает в сильную жару. Огненные палящие лучи солнца доводят паломников до изнеможения.

Несчастные задыхаются в душной атмосфере и тщетно ищут спасения в воде. Утолить жажду несметной толпы нечем. Грязный песок служит здесь для ритуала омовения, а также для мытья посуды; к сожалению, он не может заменить воду. Его нельзя пить. Из Мекки я направляюсь с караваном египетских паломников к священной горе Арафат. Мы прибыли поздно вечером. Все подножие горы усеяно палатками паломников. Из-за каждого свободного места, которое, конечно, надо купить, идет настоящий бой. С раннего утра священного праздника солнце печет еще сильнее. Горе тому, кто выходит из своей палатки. Уже к полудню сотни мертвецов, пораженных солнечным ударом, устилали путь к священной горе. Особенно не переносят жары индийцы и малайцы. В этот раз Арафат отнял 2 500 жизней. Где же похоронить такую массу трупов? Правительство Хиджаза об этом очень мало беспокоится... Сами паломники должны хоронить своих собратьев по несчастью. Наконец, день кончается. Жара спадает. Как только солнце исчезает за горизонтом, мы покидаем Арафат, который оставляет у каждого из нас жуткое воспоминание и слезы о погибшем спутнике.

Мы двигаемся к долине Мина через Муздалифу, где на другой день, т. е. 10 числа, все паломники должны совершить обряд жертвоприношения. Этот небольшой путь в несколько километров мы вынуждены итти 10—12 часов. Взошло опять солнце и осветило паломников. С наступлением жары снова всех начинает мучить жажда. Один мутавваф (проводник) предлагает нам кружку воды. «Сколько?» — «80 пиастров» (т. е. около 7 р. 50 к. — *Л. К.*), — спокойно отвечает запасливый человек. И я пью вонючую жидкость, так как не хочу умереть от жажды. Днем появляются врачи нового правителя Хиджаза, короля ваххабитов Ибн-Сауда. Мы все удивлены: это не хиджазцы, а мусульмане из других стран, они приглашены королем обслуживать.

паломников. Их очень немного. Они приказывают собрать все трупы к мечети. Рабочие роют длинные рвы в полметра глубины, куда и сваливают всех умерших. Вскоре по свежим могилам уже идут толпы паломников прославлять аллаха. На третий день праздника мы опять в Мекке. Город без воды. За глоток жидкости платили 5 пиастров (т. е. почти 50 к. — *Л. К.*).

Мы участвуем во всех процессиях, во всех церемониях. Голодные, без денег, измученные жарой бродят паломники в процессиях, проходя мимо трупов своих товарищей. В Мекке... паломники мрут, как мухи... Сегодня объявили об эпидемии, начавшейся среди паломников. Мы твердо решили как можно скорее бежать из этих благословенных мест. Мы бежим обратно в Джедду. Большинство паломников следует нашему примеру. В Джедде та же, знакомая нам по Мекке, картина. Гостиница, все дома набиты индийцами, малайцами, татарами, египтянами. Палатки паломников загородили все проходы и дороги. Повсюду едят, спят, на каждом шагу можно видеть мертвых. Наконец, мы достали билеты на английский пароход в Суэц. Мы спасены. Мы рады выбраться здоровыми из этой страны ужасов».

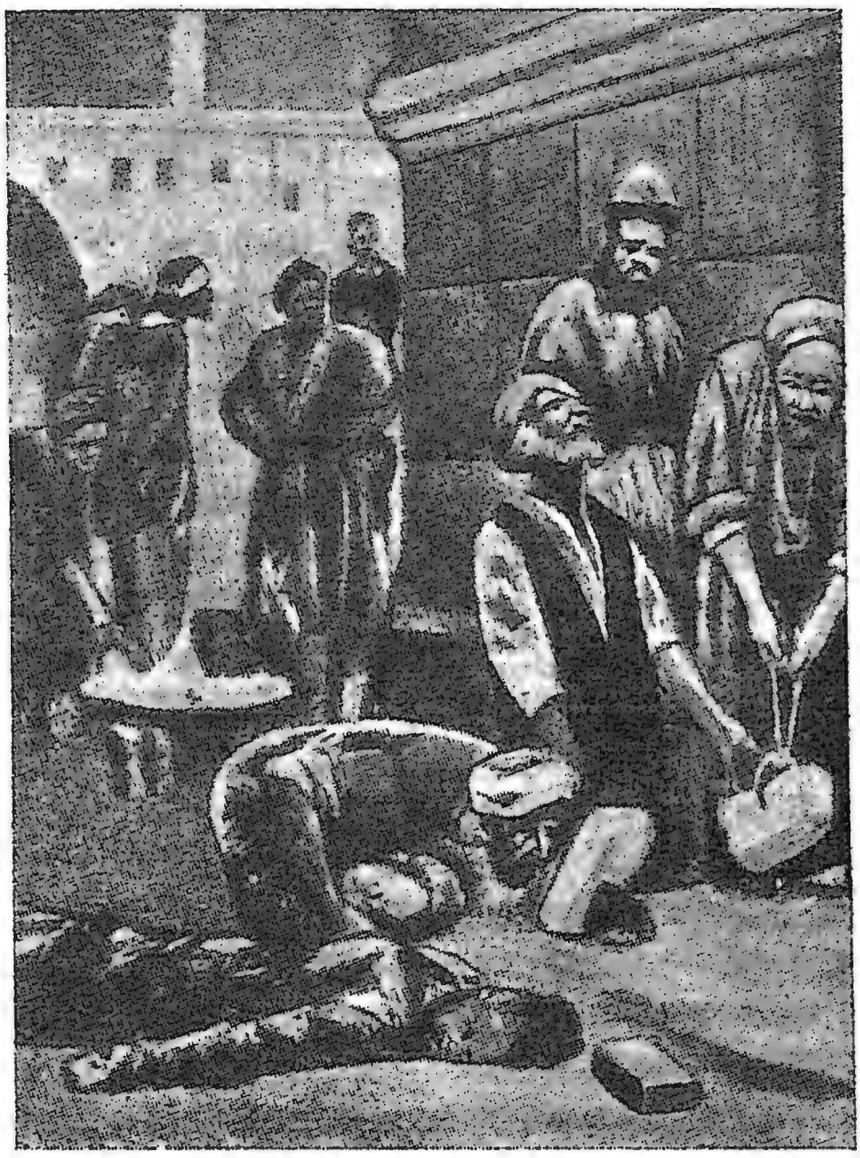
Эта картина — не субъективное впечатление отдельного верующего паломника. Нет, вся история хаджжа — позорная страница в истории человечества.

Указываемая благочестивым пилигримом цифра жертв у горы Арафат в 1927 г.—2 500—ничтожна в общей сумме людей, гибнущих ежегодно от хаджжа. Сам паломник указывает, что после посещения Арафата началась эпидемия. Эпидемии — постоянный бич паломников. Холерные эпидемии 1831 и 1865 гг., принявшие широкие размеры, были результатом хаджжа; «благочестивые» паломники явились основными распространителями заразы. В 1814—1815 гг. хаджж явился причиной быстрого распространения эпидемии чумы; лишь в одном порту Ямбо смертность достигла 50 человек в день. Кишащая тысячами миазмов, крайне вредная для организма «священная» вода колодца Земзем в Мекке, из которого паломники должны пить воду, вызывает среди них массовые желудочные и другие заболевания. Кроме того, венерические болезни распространяются в Мекке проститутками, выступающими здесь под видом «продавщиц голубей» при мекканском храме.

Поддерживаемый во время курбан-байрама в Хиджазе религиозный фанатизм доводит паломников до изуверства.

Еще в сравнительно недавние годы можно было встретиться с таким явлением: мусульмане-паломники, проведя все церемонии курбан-байрама в Мекке, считали, что после этого им больше на земле смотреть не на что. Они устремляли свои взоры на раскаленные добела кирпичи и совершенно теряли зрение.

В результате всего этого даже среди религиозно-настроенной массы паломников стало наблюдаться скептическое отношение к хаджжу.



Самоослепление фанатиков после посещения ими «святынь» Мекки и Медины

Широкую популярность среди самих мусульман-паломников приобрела поговорка: «В святых городах чорт живет». Бухарский эмир Абдаллах (XVI в.), совершив хаджж, возвратился назад с убеждением, что это путешествие «не было приятно богу». Один из главарей мусульманской секты бабидов потерял свою «правоверность» в Мекке. Ваххабиты, последователи протестантского течения в исламе, в 1803 г. раздробили на части «святыню» ислама — черный камень Ка'бы как предмет культа многобожников.

Представитель одной из старейших сект ислама, исмаилизма, Насир-и-Хусрау, паломничавший в Мекку в XI в., пришел к убеждению, что необходимо «внутреннее», иносказательное толкование проделываемых в Мекке религиозных обрядов. «Ты ездил на богомолье в Мекку?» — спрашивает он своего приятеля (в своем лирическом сборнике). «Что же? Когда ты наложил на себя пилигримский наряд «ихрам» (буквально «запрет».— *Л. К.*), то наложил ли ты

запрет («харам») и на всякое дурное деяние, которое отгораживает тебя от бога милосердного?». «Нет»,— с недоумением отвечает приятель. «А тогда, когда ты стоял на горе Арафат, сделался ли ты «арифом», познавшим бога и отрекшимся от себя, проникся ли божественным ведением?». «Нет»... После нескольких таких вопросов и отрицательных ответов поэт говорит приятелю: «Ну, значит, ты и не совершил пилигримства. Просто ты видел Мекку и вернулся назад». Впоследствии, века полтора спустя, эта идея была развита у суфия Джеляль-эд-дина Руми (XIII в.), который заявил: «Совершай пилигримство в Ка'бу своего сердца, а не в Ка'бу камня».

Другие теологи ислама стали признавать исполнение хаджжа обязательным не для всех мусульман. Изречение, будто бы идущее из уст первого халифа Абу-Бекра, гласит: «Богатый правоверный лучше бедного правоверного». Эта мысль подробно развита в «Кабус-намэ» — своего рода мусульманском «домострое», написанном в 1082 г. Здесь, в главе «О полезной стороне религиозных предписаний», говорится следующее:

«Знай, сын, что два предписания всевышнего относятся только к состоятельным и богатым людям, а именно: выплата милостыни и путешествие в Мекку; для неимущих они не обязательны. Так и при земных государях круг придворных образуют только состоятельные. И вот, если здоровый и богатый человек не поедет в Мекку, то он не увидит полной пользы от своего богатства, которым его облагодетельствовал творец, потому что путешествие многому научает человека и развивает его ум; человеку полезно видеть невиданное, слышать неслыханное и испытывать новые впечатления. Все это — блага, которых человек лишается, если он не путешествует. Человеку путешествующему становятся известны и хорошие и дурные стороны жизни, и таким образом он приобретает жизненный опыт. Арабская пословица говорит: «Видеть лучше, чем слышать» (в данном случае, очевидно, только богатым. — *Л. К.*). И у персов есть такая пословица. Бог приказал совершать путешествия в Мекку всем богатым мусульманам для того, чтобы они, посещая святые места, могли одновременно и научиться кое-чему, видевши столько нового, и были ему признательны за его благодеяния. Бедным же бог сделал великую льготу тем, что избавил их от обязательности путешествия, столь затруднительного для них при отсутствии денег».

Богословы установили, что мусульманин, желающий совершить хаджж, должен иметь денежную сумму, необходимую для путешествия туда и обратно и для содержания в это время дома семьи. Вследствие этого, в зависимости от состоятельности паломника, хаджж получил пять религиозно-юридических категорий: обязательности — фарз, действия рекомендуемого — мандуб или мустахабб, дозволенного — мубах, неодобряемого — макрух, запрещаемого — харам.

В основе этого расчленения лежат отнюдь не интересы паломника. От пилигрима требуется, чтобы он принес с собою что-нибудь в Мекку и чтобы его посещение не оказалось бременем для обитателей «святого» города.

Мусульманское духовенство относилось к бедным паломникам, даже если они были дервишами, с крайним пренебрежением. Чрезвычайно характерен в этом отношении рассказ, сохранившийся в книге иранского писателя начала XIII в. Мухаммеда аль-Ауфи «Джами аль-хикаят ва лями-ар-риваят» (сборник анекдотов и блестящих рассказов). Богатый и знатный садр (высшее духовное лицо ислама) из Бухары совершал хаджж, сидя на носилках и в окружении «великих богословов»; под вьюком у него было более ста верблюдов. У горы Арафат его встретил голодный, плохо одетый и босой бедняк, он спросил садра: «Неужели бог даст одинаковую награду за хаджж бедняка, совершаемый с огромными лишениями, и за хаджж садра, проводимый в столь большой пышности?». Садр ответил, что награда, конечно, не будет одинакова: «Я исполняю повеление бога, а ты поступаешь наперекор ему. Мне он сказал: «Если имеешь возможность, совершай хаджж», а тебе сказал: «Не губите себя собственными руками». Итак, меня он пригласил, а тебя освободил от посещения; я — гость, ты — паразит; паразит никогда не пользуется таким почетом, как гость» [1].

В пропаганде хаджжа заботы о доходах духовенства занимают немалое место. Это подтверждается допущением так называемых «векилей». По этому установлению ислама, состоятельные мусульмане, для которых хаджж обязателен

---

[1] В политических интересах отдельных властителей стран ислама в разное время делались попытки замены хаджжа в Мекку хаджжем в места, прославившиеся как «святые». Так, уже в VII в. при омейядском халифе Абд-аль-Мелике (685—705 гг.) была сделана попытка замены хаджжа в Мекку посещением храма ас-Сахра в Иерусалиме. Иеруса-

(фарз), все же могут сами не затруднять себя поездкой в Мекку: им разрешается нанять поверенного, векиля, который за мзду совершит паломничество на благо пославшего его господина: бая, эфенди, ходжи и других господ стран распространения ислама.

По учению шафиитского толка ислама, даже в случае смерти лица, обязанного совершать хаджж, он должен быть выполнен наследниками за счет наследства умершего специально нанятым лицом, так называемым бэделем. Всякое пилигримство сверх обязательного считается особенным благочестием.

Приведенные законы ислама о паломничестве в Мекку вызвали широкую торговлю званием хаджжия. Многие мусульмане, особенно живущие близко от Мекки, сделали себе из этого немалый источник дохода; посещая каждый год Мекку во время хаджжа, они затем продают свидетельства, получаемые ими в подтверждение совершения хаджжа. Покупая эти свидетельства, богатые мусульмане, никогда не бывшие не только в Мекке, но часто и в Аравии, приобретают за деньги почет и авторитет, с которым до сих пор еще часто в странах распространения ислама связано звание хаджжия, т. е. мусульманина, совершившего паломничество в Мекку.

Однако все эти «законы» отнюдь не говорят о том, что неимущие мусульмане не совершают хаджжа. Как-раз наоборот. Большинство мусульман, паломничающих в Мекку, это несостоятельные, обездоленные, забитые вечной нищетой и бесправием, одурманенные агитацией духовенства трудящиеся стран распространения ислама. Необходи-

---

лимская «скала» должна была заменить черный камень Ка'бы. Вокруг выстроенного по приказанию Абд-аль-Мелика храма ас-Сахра совершались такие же обходы, как вокруг Ка'бы, а в день курбан-байрама закалывались жертвенные животные; скалу, заменявшую черный камень, смазывали благовонной мазью, воскуряли здесь же фимиам и т. д. Все это преследовало политическую цель возвышения Иерусалима как мусульманского города для усиления борьбы против оппозиционных халифату христианских и еврейских элементов. Текущими политическими интересами была продиктована и другая попытка замены хаджжа в Мекку, произведенная уже при аббасидском халифе аль-Мутаваккиле (847—861 гг.). Рассказывая о ней, арабский историк X в. аль-Макдиси (аль-Мукаддасий) писал, что халиф Мутаваккиль в Самарре «построил Ка'бу, установил обход (вокруг нее) и устроил Мину и Арафат, чем соблазнял бывших с ним эмиров, когда они просили позволения совершить хаджж, боясь, что они покинут его».

мость сбережений на «святое» путешествие в «прославленную» Мекку от скудного заработка, добываемого в тяжелом труде, «в поте лица», всячески пропагандировало религиозное рекламное издание «Друг хаджжиев», выходившее во времена царизма в целях агитации на русском, персидском, татарском и других языках.

Реакционная роль курбан-байрама за рубежом

С 1924 г. «священные» области ислама в Аравии находятся в руках ваххабитов, которых остальной мусульманский мир считает «еретиками»; в действительности они — приверженцы лишь своего рода «протестантского», реформаторского течения в исламе. Ваххабиты стремятся восстановить якобы «чистоту» первоначального ислама.

Возникнув в период экономического кризиса в Центральной Аравии в конце XVIII в., ваххабизм первый раз еще в 1803—1804 гг. в лице его воинственных последователей проник в Мекку и Медину (несколько раньше, в 1801 г., ваххабиты разграбили г. Кербелу, место паломничества мусульман-шиитов к почитаемой ими гробнице имама Хусейна). Ваххабиты выступали против почитания могил различных «святых» (в том числе и так называемого «основателя» ислама Мухаммеда), против совершения перед могилами поклонов, против обходов вокруг Ка'бы, как это делали арабы и до ислама, и вообще против многих религиозных церемоний. Захватив Мекку, ваххабиты немедленно разрушили надгробные памятники на могилах «святых», разломали золоченые купола, поставленные на территории, якобы являющейся местом рождения «пророка» Мухаммеда, и разбили «черный камень» Ка'бы.

Однако такая воинственность ваххабитов продолжалась недолго. Борясь против обожествления Мухаммеда и ряда обрядовых церемоний, ваххабизм, в сущности, заботится об укреплении ислама путем приспособления его к новым условиям буржуазной эпохи.

При поддержке современного главы ваххабитов, короля Саудовского государства Ибн-Сауда, была основана «Лига охраны веры и нравственности» с целью направить Хиджаз по «истинному пути» ваххабизма. С разрешения правительства эта Лига в начале 1928 г. издала обязательные правила, которые дают понятие о «платформе» современных руко-

водителей и охранителей «святынь» Хиджаза и связанного с ними хаджжа.

По этим правилам, при наблюдении за исполнением верующими требований ислама должна быть проявлена максимальная строгость. Например, правила указывают, что, «услышав призыв к молитве, все торговцы, прохожие и посетители кофеен должны со всей поспешностью отправляться в мечеть. Того, кто не явится по призыву на молитву, наказывают шариатские (религиозные. — *Л. К.*) суды». Здесь же указывается и причина такой строгости: «Молитва является опорой религии, не соблюдающий молитву разрушает свою веру».

Далее, согласно правилам, «запрещается хулить веру, вообще вести непристойные (с точки зрения попов ваххабизма. — *Л. К.*) разговоры и клясться пророком и другими избранниками божьими вместо единого аллаха. Провинившийся наказывается». Запрещается и наказывается все, что может вывести человека из-под тлетворного влияния религии. Например, «воспрещается собираться с целью развлечения, безразлично какого рода». «Воспрещается брить бороду. У парикмахера, сбрившего чью-нибудь бороду, мастерская должна быть закрыта, и сам он подлежит наказанию». «Женщинам воспрещается выходить на улицу нарумяненными. Им вообще воспрещается оставлять ночью дом попусту».

Женщину эти правила всячески унижают. Например, «воспрещается совместное пребывание мужчин и женщин на торжествах или похоронах. Женщинам воспрещается ходить к камням, либо могилам, кроме могилы пророка. Но и здесь они не должны оставаться долго».

В заключение правила Лиги указывают, что начальники отдельных городских районов должны заботиться о полном их соблюдении. Если они не будут выполнять этого с необходимой строгостью, то с ними надлежит поступать, как с соучастниками тех, кто нарушает правила.

О «святости» этих требований заявил представителям печати хиджазский эмир Фейсал в августе 1932 г., во время пребывания в Стамбуле (в Турции). Суд, говорил он, в Хиджазе производится по законам шариата: вору отрубают руку, а убийца должен искупить свою вину смертью. Запрещено заниматься «делами, не приносящими никакой пользы». Церемонии курбан-байрама и связанного с ним хадж-

жа, конечно, в число таких «дел» не входят, зато запрещены музыка, театр и кино.

Ваххабитская религиозная организация со времени своего возникновения была «...как и *всякое* религиозное движение, в *формальном отношении реакционной,* т. е. мнимым возвратом к старому, простому»[1]. Но этот мнимый «формальный возврат» был обусловлен требованиями начавшейся буржуазной эпохи.

Известно, что тотчас после захвата Мекки еще в первый раз (в 1803—1804 гг.), ваххабиты постарались наладить дело паломничества. Есть сведения, говорящие, что в 1807 г. число паломников в Мекке доходило до 83 000 человек. Это являлось немалой цифрой. Но цифра эта, конечно, не была постоянной. Так, если в 1814—1815 гг. число хаджжиев равнялось приблизительно 70 000 человек, то в 1831 г. их было 220 000. Торговые пароходные компании, по преимуществу европейских капиталистов, зарабатывая на перевозке мусульман-паломников немалые суммы, всеми силами старались поддержать обычай хаджжа. Однако из политических интересов различные государства, даже и мусульманские, как, например, «благословенная Порта» (Турция), иногда не разрешали пилигримства в Мекку своим подданным. Такие факты влияли на общее количество паломников, которое часто довольно сильно колебалось: скажем, от 160 000 человек в 1858 г. до 92 000 в 1880 г. и от 200 000 в 1904 г. до 281 000 в 1907 г.

Империалистическая война 1914—1918 гг. вызвала упадок хаджжа. Последовавший подъем революционного движения во всех странах Востока еще в большей степени отвлек трудящихся от соблюдения этого религиозного обычая. После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года быстро снизился, а затем и совершенно прекратился приезд в Мекку и Медину паломников из СССР.

При правлении в Хиджазе ставленника английского империализма шерифа Хусейна количество хаджжиев в 1922 г. составляло всего только 43 000, в 1923 г. — 64 000 и в 1924 г.—88 563 человека (другие данные—82 000 человек). Пришедшие в 1924 г. к власти в Хиджазе ваххабиты приняли ряд мер к повышению числа хаджжиев. Хотя и не сразу, но ваххабитам удалось этого в известной мере добиться.

---

[1] Ф. Энгельс — Письмо К. Марксу. Без даты (около 18 мая 1853 г.). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 484.

А важно это было им по причинам прежде всего финансово-экономическим. Если при ваххабитах в 1926 г. хаджжиев насчитывалось всего около 50 000 человек, то в 1927 г. их уже было свыше 100 000, в 1928 г. — 100 763 человека[1] и в 1929 г. — 75 000 человек. На снижение цифры в 1929 г. явно повлиял мировой экономический кризис капитализма и политические события в ряде мусульманских государств: конфликты между аравийскими государствами, гражданская война в Афганистане, спровоцированная английским империализмом резня в Индии между индусами и мусульманами, политические события, связанные с каучуковым кризисом на Малайских островах, и т. д.

Мировой экономический кризис капитализма резко отразился на проведении курбан-байрама в Мекке и в последующие годы. В 1931 г., несмотря на всевозможные бутафорско-рекламные средства, к которым прибегали церковники для увеличения притока паломников, их было всего лишь 45—50 тысяч человек (другие данные — 29 тысяч). Последующие годы мало изменили эту цифру. В 1935 г. паломников было всего 33 898 человек. В 1936 г., когда в результате нападения итальянского империализма на Абиссинию на Аравийском полуострове создалась крайне неспокойная обстановка, число хаджжиев было еще более мизерным. Таким образом, обостряющиеся и обнажающиеся внутренние и внешние противоречия капиталистического мира ударили и по хаджжу.

Для обслуживания паломников «священная» область ислама имеет специальные учреждения и целую армию так называемых «мутаввифов». Кстати, организация эта далеко не новая. Еще мусульманский писатель VIII в. Ибн-Исхак (в передаче «Сират ар-расуль аллах» Ибн-Хишама) говорил о союзе курейшитов «хомс», который они установили в целях обслуживания хаджжиев в доисламские времена «не-

---

[1] Сведения даны по донесениям, поступившим от иранского представителя в Хиджазе, как сообщал «Иран» 17 сентября 1928 г. По английским сведениям («Нир Ист энд Индиа» от 21 января 1929 г.), общее число заграничных паломников исчислялось в 1928 г. в 90 764 человека. Число фактически присутствовавших на окончательной церемонии хаджжа у горы Арафат исчислялось в 150—200 тысяч. Следует заметить, что данные о количестве хаджжиев почти всегда приблизительны. В 1929 г. хиджазское правительство даже запретило учреждениям, ведущим учет прибывающих морем паломников, опубликовывать точные о них данные.

верия». Сведения об этом находим и у целого ряда других авторов, например у арабского социолога XIV в. Ибн-Хальдуна, указывающего целую группу разноименных служителей Ка'бы. Но в наше время все это, конечно, «усовершенствовано», почти «механизировано».

Всем руководит особый комитет по делам хаджжа. Он распределяет работу среди мутаввифов и разрешает возникающие конфликты. Мутаввифы между собой распределяют паломников по их территориальному признаку: не только каждое государство, но и отдельные города и местности обслуживаются специальными мутаввифами: никто кроме них не имеет права на «руководство» хаджжиями.

Общая цифра обслуживающего персонала (мутаввифов и их помощников) достигает нескольких тысяч человек. Занятие это передается по наследству. Профессия мутаввифа переходит от отца к сыну и только в случае отсутствия такового — к вдове, которая, однако, должна передавать эти свои права мужчине, так как женщина, по исламу, не может получать столь «высокое» назначение.

Мусульманин-паломник не волен сделать буквально ни одного шага. Во всем им руководят мутаввифы. Подражая последним, паломник молится и проделывает всевозможные церемонии. Кроме мутаввифов, ко времени курбан-байрама почти со всего Хиджаза стекаются в Мекку арабы — кочевники и оседлые жители. Одни из них промышляют перевозкой паломников на верблюдах, другие продают баранов для принесения в жертву в день 10 зу-ль-хиджже, третьи торгуют амулетами и оловянными графинчиками для воды из кишащего миазмами «священного» колодца Земзем, четвертые — мекканским бальзамом и саванами, а иные собирают милостыню.

Заботы о хаджже правительства Саудовской Аравии вызваны экономическими и политическими мотивами. Источником денежных доходов Саудовского государства почти исключительно является территория Хиджаза. Во всем королевстве, за исключением Хиджаза, налоги взимаются натурой. Отсюда следует, что денежными доходами Хиджаза (таможенные пошлины, карантинные сборы, дорожные обложения) должны быть удовлетворены финансовые нужды почти всего королевства, включающего, кроме Хиджаза, Неджд и так называемые «присоединенные области» Аравии. К тому же собственного экспорта Хиджаз не имеет, если не считать незначительного количества невыделанной

кожи мелкого скота. Таким образом, почти единственным источником валютных доходов Саудовского государства является хаджж.

Такое положение побуждает короля Саудовской Аравии поставить дело грабежа хаджжиев так, чтобы обеспечить бездефицитное существование государственного бюджета. Для того чтобы это стало ясным, посмотрим, из чего и как сложился бюджет «священного» королевства в 1928/29 хозяйственном году [1].

Валютные доходы от хаджжа 1929 г. определяются в 4,5—5 млн. фунтов стерлингов. Сумма эта сложилась главным образом из средств, которые удалось выкачать из паломников. Незначительная ее часть составилась из различных пожертвований тех или иных стран ислама шейхам «священной» области. Вот приблизительный подсчет слагаемых этого «божественного» бюджета (в фунтах стерлингов, 1 фунт стерлингов тогда был равен 9 руб. 46 коп.).

Паломники, которых было 75 тысяч, израсходовали в Хиджазе следующие суммы:

Расходы паломников на жизнь в Хиджазе (питание и пр.)

	Фунт. стерл.
30 тыс. яванцев по 35 ф. с. с человека	1 050 000
15 тыс. индийцев по 10 ф. с.	150 000
15 тыс. египтян по 20 ф. с.	300 000
10 тыс. сирийцев и марокканцев по 10 ф. с.	100 000
5 тыс. прочих (иранцы, турки и др.) по 30 ф. с. . . .	150 000
Особые расходы паломников на Арафате	760 000
Итого	2 510 000

Расходы паломников на транспорт

	Фунт. стерл.
Доходы автообществ за сезон	200 000
Верблюжий транспорт в Медину (20 тыс. верблюдов) .	170 000
То же между Джеддой и Меккой (70 тыс. верблюдов) .	100 000
То же на Арафат (100 тыс. верблюдов)	200 000
Итого	670 000

[1] Заметим, что помимо календарного года в Хиджазе имеется так называемый финансовый год, официально установленный (для подрядов) с 1 раджаба мусульманского лунного года. 1928/29 финансовый год Хиджаза начался 14 декабря 1928 г. и кончился 3 декабря 1929 г.

Расходы паломников в пользу правительства

	Фунт. стерл.
Карантинные сборы	133 000
Сборы с автотранспорта в Медину (50 тыс. человек) . .	300 000
Сборы с верблюжьего транспорта в Медину (20 тыс. человек)	120 000
Сборы с верблюжьего транспорта между Меккой и Джеддой	185 000
То же на Арафат	350 000
С 75 тыс. верблюдов под багажом паломников	37 000
Разные мелкие сборы с паломников	15 000
Итого	1 140 000

Таким образом, паломники израсходовали или, вернее, были обобраны в Хиджазе на 4 320 000 фунтов стерлингов, тогда как доход всей страны равнялся в этом году 4 330 000 ф. с.

Правительственные доходы Саудовского королевства за тот же период выразились в указанном выше доходе от паломников за сезон хаджжа в сумме 1 140 000 ф. с., в сборах от таможенной пошлины 800 000 ф. с., в гербовых и прочих доходах 160 000 ф. с., всего в сумме 2 100 000 ф. с.

Ясно, насколько сильно зависит бюджет Саудовской Аравии от хаджжа. Неправильно даже сказать «зависит»: бюджет Хиджаза есть бюджет хаджжа.

И это вовсе не исключительный бюджетный год.

Трудящимся массам стран распространения ислама хаджж приносит лишь вред. Ничто и ни в малейшей степени не может оправдать существование этого рассадника лжи и гниения среди «мусульманских» народов.

Мусульманская печать стран распространения ислама часто говорит об улучшении условий совершения хаджжа. Предлагаются и дальнейшие реформы хаджжа и курбан-байрама. Но всякая попытка «обновления» хаджжа по существу диктуется стремлением приспособить его к интересам буржуазии, поставить идейное развращение, материальное ограбление и физическое изуродование мусульман на уровень новейших методов капиталистической эксплоатации.

Пока, кроме газетной, журнальной и книжной пропаганды, в отношении такой «усовершенствованной механизации» хаджжа, правда, мало что предпринято.

«Корабль пустыни» — верблюд вытесняется и в Аравии автомобилем и железной дорогой. В создании здесь средств современного транспорта заинтересованы как международный империализм, так и национальный капитал. По сообще-

нию «Манчестер гардиан», в 1926 г. в Хиджазе было всего 4 автомобиля; в 1929 г. их уже стало 1 500; автомобили были заняты перевозкой паломников с берега к «святым местам».

Вопрос о транспорте в Мекку на курбан-байрам стал даже яблоком раздора между империалистами Англии и Франции. Как сообщал официальный орган английского империализма «Нир Ист энд Индиа» от 27 августа 1931 г., эти государства борются за овладение транспортом паломников в Мекку из Ирака и Ирана, которые обычно направляются через Сирийскую пустыню в Бейрут, а оттуда морем в Джедду. Английские капиталисты, желая ослабить влияние французов на этом участке и проникнуть в пределы Хиджаза, работали над созданием автопути Багдад—Надтах — Халл — Мекка для транспорта паломников.

Введение автомобильного сообщения между портом Красного моря (Джеддой) и «святыми городами» (Меккой и Мединой) на дороге протяжением в 300 миль, а также на участке Кунфуда — Мекка в пять-шесть раз сократило время пребывания паломников в Хиджазе.

Уменьшение времени пребывания паломников в «святых» местах не могло не ударить по карману обитателей этих областей, живущих поборами с паломников.

Король Ибн-Сауд, почувствовав серьезность создавшегося положения, хотел его урегулировать путем насильственного слияния автообществ в автосиндикат, где, между прочим, сам духовный и светский глава «священной» области имел акций на сумму, превышающую треть всего капитала. Однако вскоре же после его образования автосиндикат распался.

Но Мекка в дни курбан-байрама — не только приходная касса Хиджаза, а и место развертывания пропаганды и агитации разных групп эксплоататоров в целях одурачивания народных масс Востока.

Классовое назначение курбан-байрама красноречиво было выявлено в речи Ибн-Сауда на банкете, устроенном 25 апреля 1931 г., в шестой день мусульманского месяца зу-ль-хиджже.

Как передавал официальный орган правительства Хиджаза и Неджда — арабская газета «Умм ал-кура» в номере от 1 мая 1931 г., король Ибн-Сауд выступил перед обширным собранием более чем в 500 человек. На этом собрании, между прочим, присутствовали: бывший король Афганистана Аманулла-хан, бывший глава мусульманского ордена се-

нуситов сейид Ахмед ас-Сенуси, последыш свергнутой в Турции династии принц Ахмед Вахид-эд-дин, индийский мусульманский деятель Абд-аль-Керим аль-Газнави и другие заправилы мусульманского эксплоататорского мира. Развивая перед этими господами основные задачи ислама в дни мирового экономического кризиса капитализма, Ибн-Сауд заявил: «Мусульмане не могут охранить себя от современного упадка, если они не будут следовать предписаниям их религии и примерам древних благочестивых поколений».

Далее, имея в виду ту классовую солидарность, которая с каждым годом все более и более растет между трудящимися разных национальностей и вероисповеданий, Ибн-Сауд продолжал: «За последнее время ислам стал на их (людей, в которых проснулась эта классовая солидарность. — *Л. К.*) языке ненавистным словом, от которого отвращаются их души, хотя если он взывает к чему-либо, то взывает к братству людей. Я слышал, как один из таких говорил: «Необходимо, чтобы мы сговорились с нашими братьями евреями». Но разве ислам признает какое-либо другое братство, кроме братства, основанного на родстве или на мусульманской вере? Клянусь аллахом, — лицемерно восклицал король Ибн-Сауд, — я не люблю того, кто не любит бога любовью, свободной от многобожия и нововведений, я действую только ради этого, и неважно для меня быть бедняком или королем».

Каков был смысл этих заявлений светского и религиозного главы крупнейшего государства современной Аравии?

В Аравии растет национально-освободительное движение против империалистов и местных эксплоататоров. В Палестине растет рабочее движение. Там растет, заражая своим революционным примером широкие слои трудящихся масс всего Востока, классовая солидарность арабского и еврейского пролетариата. По английским данным, население Палестины в 1927 г. равнялось 882 тысячам человек, в числе которых мусульман было 648 556 и евреев 147 687. В числе этого населения, по сведениям первой арабской рабочей конференции 1930 г., было 70 000 рабочих — 50 000 арабов и 20 000 евреев.

Интересы эксплоататоров направлены к разжиганию вражды между людьми разных вер с тем, чтобы ослабить интернациональный фронт борьбы трудящихся против капи-

тала. Своей речью во время хаджжа Ибн-Сауд как-раз и пытался выполнить эту задачу эксплоататоров.

В этих же целях курбан-байрам используется эксплоататорами и в других странах, например в Индии — колонии английского империализма. Мусульмане в Индии частью живут среди индусов, по религии которых корова — «священное» животное. По верованиям индусов, убить корову значит совершить преступление большее, чем убийство человека. И вот эксплоататоры натравливают индусов на мусульман, в ритуальных целях режущих во время курбан-байрама коров. Например, такого рода столкновение было спровоцировано 5 февраля 1939 г. в округе Гая, где 1 500 индусов напали на дом мусульманина, собиравшегося принести в жертву корову.

Среди хаджжиев империалисты вербуют своих шпионов и пропагандистов. В 1937 г., как сообщала египетская газета «Аль-Баляг» (7 мая 1937 г.), генерал Франко с поощрения и на деньги интервентов снарядил пароход с 400 паломниками из Испании в Мекку. Эти «пилигримы» на всем своем пути в Мекку и при исполнении обрядов хаджжа у «святынь» Хиджаза вели гнуснейшую империалистическую агитацию. Недаром по возвращении в Испанию они удостоились торжественного приема у Франко. Председательствовал на приеме хаджжиев итальянский посол.

Тогда же, как сообщала лондонская «Дейли телеграф», «из Абиссинии две тысячи мусульман были отправлены в паломничество в Мекку, и все расходы взяло на себя итальянское правительство. Были устроены такие же поездки и из других итальянских колоний — Эритреи, Сомали, Ливии. От этих пилигримов весь мусульманский мир должен узнать о щедрости Италии и синьора Муссолини. Отправляли тех, кто наверняка будет свидетельствовать в желательном духе».

Так же поступают английские и французские капиталисты.

Курбан-байрам тяжело отражается и на трудящемся населении самого Хиджаза. Обычай хаджжа развращает население Хиджаза, побуждая его вместо производительного труда вести паразитическое существование. Правительство Хиджаза нисколько не заботится об улучшении жизни тру-

дящихся своей страны. Не только для них, но и для хаджжиев оно не удосужилось еще устроить ни одной сколько-нибудь сносной дороги [1].

Созданное Ибн-Саудом акционерное общество «Ширкат-уль-аутомобилят-уль-Хиджазийя» поставило себе целью, помимо автомобильного обслуживания паломников, электрификацию Мекки и Джедды. Но и эта мера была вызвана причинами главным образом рекламного порядка. Паломники в XX в. стали предъявлять повышенные требования. Владетели Мекки и Медины, подобно содержателям гостиного двора, вынуждены соответственно этим требованиям «заботиться» о своих клиентах — паломниках.

В бидонах и бочонках с штемпелем «сделано в Мекке» экспортируется из Мекки полная миазмов «священная вода» из колодца Земзем.

«Кисва» (ежегодно меняемое покрывало Ка'бы) разрезается на мелкие кусочки и в качестве особо благотворно действующего талисмана за большие деньги распродается хаджжиям.

Даже радио ставится на службу исламу. В марте 1936 г. король Ибн-Сауд объявил, что им сооружена радиостанция, предназначенная для трансляции богослужений из Мекки. Эти мероприятия Ибн-Сауда всячески поддерживаются эксплоататорами «мусульманского» Востока. Например, в том же 1936 г. один из полуфеодальных индийских князьков — низам хайдерабадский (вассал Англии) ассигновал 50 тысяч рупий на электрификацию некоторых мест в Мекке, связываемых с культом «пророка» Мухаммеда.

Ни свободы совести, ни какой-либо другой свободы народам Саудовской Аравии не дано. Еще в 1929 г. король Ибн-Сауд в одной из речей объявил, что «народные массы не могут заниматься толкованиями вопросов религиозного характера. Это — задача улемов (богословов), имеющих в качестве руководства коран и предания о пророке Мухаммеде (сунну). Самым строгим образом будет проводиться безусловное подчинение всем решениям улемов».

---

[1] В конце 1939 г. между Египтом и Саудовской Аравией было заключено соглашение о постройке в Хиджазе на средства и силами Египта дорог между Джеддой и Арафатом и Джеддой и Мединой. Этим же соглашением предусмотрена постройка электростанции в Мекке. Таким образом, дорожное строительство в Хиджазе в конце концов становится средством к усилению влияния английских империалистов в Аравии. Ведь Египет — английская колония.

«Правительство, — сказал далее Ибн-Сауд, — имеет право требовать повиновения, а подданные не вправе посягать на прерогативы правительства в каком бы то ни было вопросе». Затем, ссылаясь на коран, Ибн-Сауд указал на незыблемость и неприкосновенность частной собственности и воспретил своим подданным «собираться для обсуждения вопросов политического и религиозного характера иначе

Торговля «святой» водой из колодца Земзем в Мекке

как по инициативе (даже не с разрешения. — *Л. К.*) правительства».

Так любое из действий прошлых и современных руководителей «священных» областей ислама, выявляет их хищное лицо эксплоататоров. Стоит вспомнить предшественника Ибн-Сауда — шерифа Хусейна, возведенного одно время с помощью империалистов «неверной» Англии в сан халифа (ум. в 1931 г.). При нем одна только плата мутаввифам в одном лишь 1924 г. равнялась 150 000 английских фунтов, по английским же данным, доходы этого короля, шерифа и халифа за тот же 1924 г. достигли 8 000 000 фунтов стерлингов. Грабеж и обирательство при нем были

поистине беспримерными: обворовывались караваны с десятками тысяч паломников, например 40-тысячный караван отправлявшихся из Мекки в Медину паломников, причем активное участие в грабеже принимал сам шериф Хусейн. Смертность паломников в 1924 г. дошла почти до 20%. И этот 1924 г. не был исключением. Были годы, когда этот процент поднимался до 40—50 и даже 60. Во время курбан-байрама в 1930 г. в Мекке среди паломников вспыхнула холера. 1931 и последующие годы также были отмечены рядом эпидемий среди паломников.

Вред, который наносит празднование курбан-байрама трудящимся мусульманам, очень велик.

Около Джедды и других городов Хиджаза существуют целые селения, где в жалких жилищах ютятся совершенно разоренные курбан-байрамом паломники. Это трудящиеся мусульмане, ограбленные в «священных» городах Хиджаза до такой степени, что им не на что было возвратиться домой: они принуждены нищенствовать в Аравии. Мракобесы ислама успокаивают их тем, что смерть верующего, хотя бы и от голода, в «священном» Хиджазе особенно приятна аллаху.

Курбан-байрам — чуждый и враждебный народу пережиток

Российское самодержавие поддерживало и укрепляло курбан-байрам, как и другие праздники ислама, христианства, иудаизма и иных религий. Царизм пользовался религиозными праздниками как орудием отвлечения трудящихся от классовой борьбы.

Мусульманское духовенство в дни курбан-байрама прославляло власть угнетателей. Специальное распоряжение Оренбургского магометанского духовного собрания требовало «в десятый день зу-ль-хиджже во время гайде-курбана... совершать возношение о здравии и благоденствии государя императора и августейшего дома».

Муллы, как и попы других религий, усиленно обирали своих «пасомых».

Говорят об этом, например, «сведения о положении татарского населения Саратовской губернии и о влиянии на это население магометанского духовенства», составленные чиновником особых поручений при саратовском губернаторе в 1885 г. В этом документе говорится:

«Держа посредством своего влияния татарское население в состоянии умственного и нравственного застоя, магометанское духовенство эксплоатирует бедную часть татар взносом десятины, т. е. десятого снопа, десятого роя, десятого барана, десятой птицы и т. д., кроме угощений и подарков при наименовании ребенка, обрезании, свадьбе, разводе, похоронах и пр., а на праздник курбан-байрама за чтение при резке (жертвенной. — *Л. К.*) скотины молитвы из корана мулла получает шкуру животного. Затем многие общества дарят муллам земли для запашки, которую они производят посредством нанятых работников или большей частью через задолженных им односельцев, так как некоторые муллы, разживаясь, начинают ссужать бедняков деньгами и хлебом, но не иначе как под заклад и через подставных лиц.

В домах мулл и азанчей видна полная достатка жизнь их: хорошее помещение с клетью для приема гостей, тесовые заборы и ворота, конюшни, хлева, сараи и бани — все, как у состоятельных татар, с обильными хозяйственными вещами и живым инвентарем, с наемными работниками и пр. в противоположность скудности всего этого у прочей массы населения».

Муллы получали от курбан-байрама немалый доход. Кожи принесенных в жертву животных взимались муллами повсеместно. Кроме того, муллы, обходя в дни курбан-байрама верующих на-дому, получали от них лучшие куски мяса заколотой на праздник скотины. В Средней Азии во время ураза-байрама мусульманское духовенство взимало еще особые дополнительные поборы с населения за воду как за «божественный дар».

Во время курбан-байрама разрешалось нарушать элементарные правила санитарии и производить убой скота не на бойнях, а на-дому, во дворах мусульман.

В официальной части «Уфимских губернских ведомостей» от 9 ноября 1900 г. за № 243, в примечаниях к § 1 объявлений и извещений канцелярии уфимского губернского по земским и городским делам присутствия, говорилось: «По примеру столичных и других городов России, где имеет оседлость мусульманское население, в дни магометанского праздника «курбан-байрама» разрешается убой баранов и не на бойне, а на дворах магометан».

Всякие уклонения от установленного регламента курбан-байрама воспрещались под страхом наказания.

14 октября 1902 г. Оренбургское магометанское духовное собрание, как значится в его журнале (дело № 137, 1902 г., по 1-му столу), слушало специальное сообщение о совершении ахундом первой мечети дер. Асяновой Шахабуддиновым курбан-байрама «с отступлением от правил шариата». После длительного разбирательства собрание за совершение этим ахундом курбан-байрама ранее времени его наступления на один день определило: объявить ему «строгий выговор через Бирское уездное полицейское управление».

Причина столь строгого «определения» за уклонение от установленного числа начала курбан-байрама была та же, что и в случаях аналогичных решений по поводу нарушения регламента уразы и ураза-байрама. Мусульманский праздник обычно приурочивался ко времени той или иной политической кампании, успех которой часто решался ее всеобщим характером. Разновременность начала праздника могла снизить ожидавшийся политический эффект.

Во время империалистической войны 1914—1918 гг. курбан-байрам проводился под лозунгом организации помощи помещикам и капиталистам в разжигании затеянной ими кровавой бойни.

Газета «Каспий» в номере от 1 января 1915 г. сообщала, что в 1914 г. «по случаю войны курбан-байрам был отпразднован без обычного шума, и шкуры овец (т. е. жертвенных животных, обычно собираемые в пользу мулл. — *Л. К.*) почти всюду были пожертвованы... на нужды войны».

То же повторилось в 1915 г. в Баку: «бакинское мусульманское благотворительное общество» и тому подобные организации провели в дни курбан-байрама специальные сборы овчин на нужды войны. При этом мусульманские газеты еще задолго до дня праздника обсуждали, какую помощь они смогут оказать русской монархии на деньги, вырученные от продажи шкур животных, закалываемых во время курбан-байрама.

Одновременно производились и разные другие «благотворительные» сборы с населения на нужды империалистической войны.

В 1916 г. российское самодержавие с помощью мулл и эксплоататоров развернуло в дни курбан-байрама широкую кампанию по вербовке населения Средней Азии в царскую армию, в ее тыловое ополчение. В то же время курбан-байрам, как и предшествовавшие ему ураза и ураза-байрам, были использованы царизмом и местными эксплоа-

таторскими классами в целях отвлечения внимания масс от классовой борьбы, срыва и подавления революционного восстания народов Средней Азии.

Курбан-байрам был праздником богачей, угнетателей народа. Передовые люди Востока это хорошо понимали. Выдающийся сатирик азербайджанского народа Алекпер Сабир (1862—1911 гг.) даже в условиях царской России сумел выразительно сказать об этом. В стихотворении «Курбан-байрам» Сабир писал:

«У толстопузого байрам —
ай байрам!
У бревношеего баран —
ай баран!
А миллионщик потерял
счет пирам!
Они едят, Халилуллах[1],
в честь тебя!
А бедняки глядят, аллах,
в честь тебя!
Соседи вышли, как всегда,
на порог.
У них и нация одна
и пророк.
Но бог на разную судьбу
их обрек:
Один богат, Халилуллах,
в честь тебя,
Другой поесть бы рад, аллах,
в честь тебя!»

Как праздник эксплоататоров и орудие массового одурманивания народа курбан-байрам ценила и белогвардейщина. Ряд документов свидетельствует об этом. В приказе белогвардейца генерал-лейтенанта Субботина от 22 августа 1919 г. (г. Севастополь, № 1016) говорилось: «Ввиду наступающего 23 сего августа магометанского религиозного праздника «курбан-байрама» предписываю всех магометан, состоящих в частях, управлениях и заведениях гарнизона, освободить в течение 4 дней (т. е. 23, 24, 25 и 26 августа) от служебных занятий на время богослужений, совершаемых по случаю означенного праздника в местной соборной мечети. Основание: ходатайство муллы от 20 августа. № 181».

Устраивая во время гражданской войны в стране «юбилейное» тысячное празднование курбан-байрама, мусульманское духовенство с благословения интервентов, белогвар-

[1] Халилуллах—религиозный эпитет Ибрагима (Авраама)—«друг аллаха».

дейцев, басмачей и местной национальной буржуазии вело агитацию за борьбу против советской власти. Муллы произносили проповеди, в которых призывали мусульман не вступать в Красную Армию, которую они изображали как армию «москвичей», «гяуров»—врагов веры мусульманской. Одновременно мусульманское духовенство организовывало «полки Мухаммеда», сражавшиеся наряду с «полками Иисуса» на стороне белогвардейцев и интервентов. Такие «полки Мухаммеда» были у Колчака, Деникина, у контрреволюционных националистических «правительств» в Средней Азии, на Кавказе, в Крыму и даже в Польше у белополяков.

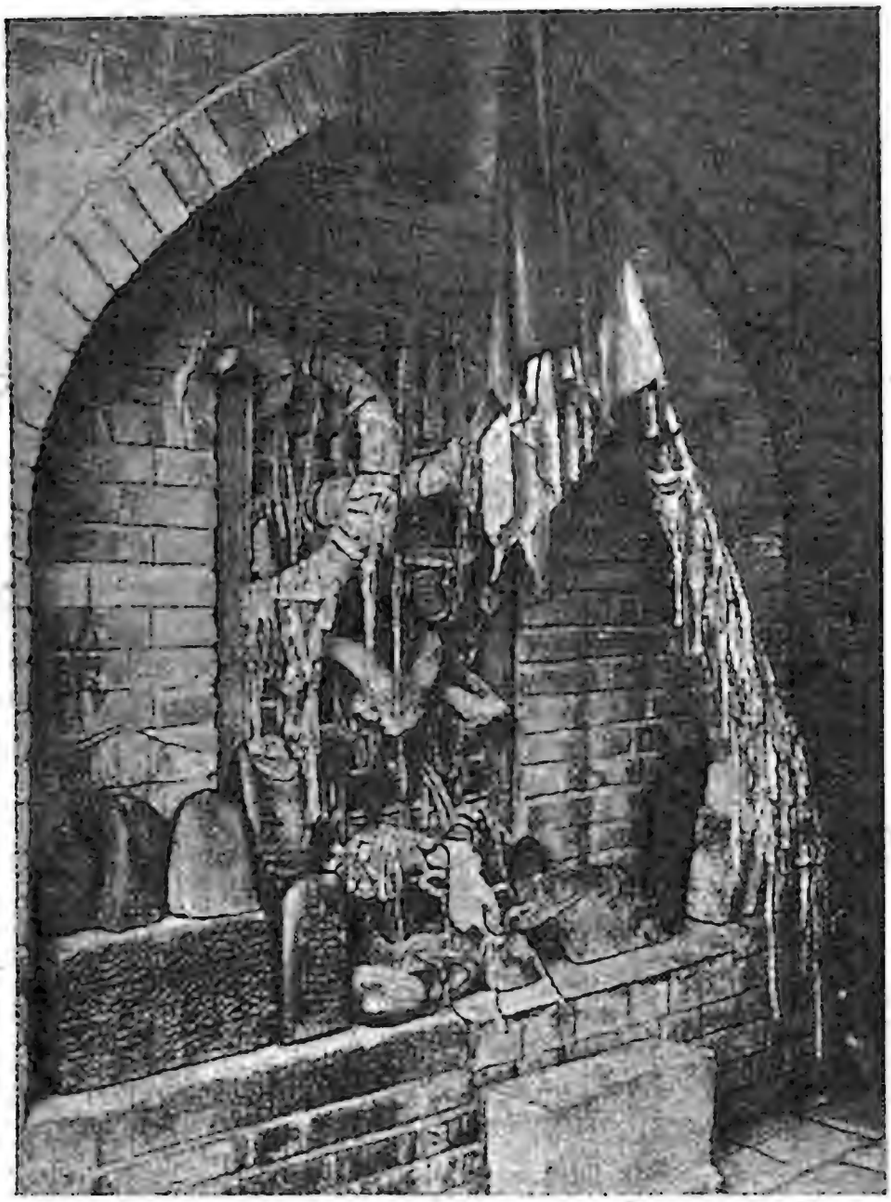
В Азербайджане контрреволюционеры мусаватисты в дни курбан-байрама, как и в праздничные дни других религий, старались разжечь пламя азербайджанско-армянской вражды. Сея рознь между народами, они пытались помешать рабочим и крестьянам освободиться от власти эксплоататоров и строить свой великий и могучий Союз Советских Социалистических Республик.

Враги народа не оставили своих попыток наносить вред социалистическому государству и позднее, когда трудящиеся СССР разбили и выкинули за пределы своего государства полчища интервентов и белогвардейцев. Они не сложили оружия, но, приспособляясь к новым условиям, только меняли формы своей подрывной деятельности.

В СССР проповеди мусульманского духовенства во время курбан-байрама направлены к тому, чтобы помешать колхозному строительству, помешать организации планового найма рабочей силы для нужд нашей промышленности и т. д. Так, в Татарской АССР и в Узбекской ССР зарегистрировано много случаев, когда, пользуясь праздничным днем курбана, кулачество, применяя систему угощений и прочих подкупов, агитировало за выход крестьян из колхозов и за отказ их от работы на социалистических стройках. Муллы и кулаки запугивали трудящихся тем, что в случае, если они пойдут в колхозы и на социалистические стройки, то их заставят отречься от их веры, не дадут им молиться богу и т. д.

Проникая на наши социалистические стройки, на заводы и фабрики, враги народа пытались использовать курбан-байрам в своих интересах даже при отсутствии официального муллы и мечети. В 1932 г. на Магнитострое во время курбан-байрама в дер. Шанхай (за Доменным городом) молитвенные собрания устраивались в доме одного мусульманина,

где молились без муллы. В других случаях на такие «собрания» являлся под видом рядового мусульманина переодетый мулла. Незаметно он начинал играть главную роль, руководя богослужением, читая проповедь (хутбу) и т. д. Такие переодетые муллы обычно ведут бродячий образ жизни, кочуют с места на место. Часто эти муллы оказывались связанными с бандитскими группами буржуазных националистов, троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок и предателей социалистического государства.



Мазар ходжи Абди-Даруна (Самарканд)

Чтобы сохранить курбан-байрам, муллы в некоторых местах, приспособляясь к новым условиям, стали проповедывать, что приносить кровавую жертву (курбан) по исламу необязательно. Вместо верблюда, коровы, барана мусульманское духовенство стало разрешать приношение в жертву во время курбан-байрама курицы, утки и другой птицы или же просто принятие в этот день какой-либо мясной пищи и принесение «подарка» мулле. Вместо паломничества в Мекку духовенство стало подбивать мусульман на то, чтобы они бросали в дни курбан-байрама работу и посещали разные местные «святыни». Так, в Средней Азии муллы и ишаны уговаривают верующих посетить мазары ходжи Азиз Абди-Даруна и Шах-и-зинда в Самарканде, «святыни» горы «Тахт-и-Сулеймание» («Трон Соломона») в Оше и т. д.

Одновременно муллы совместно с кулачеством устраи-

вали в дни курбан-байрама всевозможные вечера и утренники с угощением верующих. Этим они надеялись удержать под своим влиянием отходящие от религии массы трудящихся, отвлечь их от социалистического строительства.

В 1931 г. в Муслюмовском районе Татарской АССР муллы и ишаны перед курбан-байрамом собирали тайные женские собрания, на которых призывали женщин не пускать в дни курбан-байрама мужей на работу и детей в школу. За ослушание, а также за отказ в день курбан-байрама принести жертву мусульманское духовенство грозило наказаниями и адом. В Тукаевском районе Татарской АССР муллы говорили: «Трудности, которые мы переживаем, предусмотрены кораном. Скоро наступит конец мира, и, чтобы спасти себя, нужно приносить жертвы и праздновать курбан». В Узбекской ССР в 1932 г., по сообщениям печати, в колхозе Узюм-Зар из-за курбан-байрама колхозники с 16 по 20 апреля не выходили на работу, а за это время виноград, закрытый на зиму соломой, пророс настолько, что новые ростки стали ломаться.

Курбан-байрам наносит существенный ущерб народному хозяйству СССР. Много скота и разных материальных ценностей истребляется в дни курбан-байрама. Так, например, высчитано, что в одном лишь Дагестанском округе в 1928 г. курбан-байрам и шахсей-вахсей обошлись округу в 100 000 руб., 1 700 тонн муки, 20 000 голов скота. Кроме того, содержание мулл и мечетей обходилось в 600 000 руб. На Северном Кавказе, как сообщалось в то же время, в семи национальных автономных областях по меньшей мере 150 000 крестьянских дворов (из 200 000) приносили в жертву в два религиозных праздника — ураза-байрам и курбан-байрам — в среднем, по самым минимальным подсчетам, на дом по три барана, стоимостью не меньше 18 руб. каждый (расценка 1929—1930 гг.), что на 150 000 хозяйств составляло 2 700 000 рублей. И это только расходы на жертвенный скот. Кроме этих расходов, как мы знаем, есть еще и другие «праздничные» траты.

Бешеное сопротивление оказывали муллы, как и духовенство других исповеданий, ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

С целью нанести вред колхозному строительству муллы организовали всяческие хищения. При этом они, как и другие враги народа, использовали частнособственнические навыки и пережитки колхозников.

В 1931 г. были случаи, когда перед курбан-байрамом из колхозов «таинственным» образом стали исчезать барашки. Такие же случаи были, например, в Крыму, в деревне Корбек Алуштинского района. То же было в деревне Ускут, где были случаи, когда колхозники брали своих барашков будто бы для «откармливания», а потом резали их во время праздника. Принесение в жертву лучшего племенного скота наносит существенный вред народному хозяйству, скотоводству.

Влияние мулл на трудящихся быстро и неуклонно падает. Однако разговоры о том, что за последние годы религия в СССР «стихийно отмирает» и попы всех культов «прекратили» или «почти прекратили» свою контрреволюционную деятельность, способны лишь усыпить революционную бдительность трудящихся СССР.

Товарищ Сталин в докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» указал на необходимость борьбы против таких теорий. «Необходимо, — говорил товарищ Сталин, — разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплоататорских классов, тем скорее будут они итти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР неодиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно по-

тому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки» [1].

Некоторые муллы и мусульманские организации в СССР были связаны с нашими зарубежными врагами. Такой мусульманской организацией являлась, например, ликвидированная органами советской власти в 1935 г. банда пир-ишана (высшее духовное лицо ислама) Абдул-Мутталиба Сатыбалдыева, орудовавшая в Киргизской, Таджикской и Узбекской ССР. Эта «святая» банда совершала диверсионные акты и готовилась к приему из-за границы шайки диверсантов-басмачей. Временем вторжения этой вооруженной шайки и одновременного «восстания» всей банды пир-ишана были назначены в 1935 г. дни курбан-байрама. Другая такая контрреволюционная банда, возглавлявшаяся муллой Ахмедом Худай-Бергеновым и еще одним пир-ишаном, окопалась в Калининском районе Туркменской ССР, где орудовала под прикрытием гробницы «святого» Зар-бабы, к которой в дни мусульманских праздников стекалось по 500—600 человек. Эта банда была ликвидирована в 1936 г.

Подвизавшиеся под прикрытием духовного звания муфтия и члена центрального магометанского духовного управления в Уфе агенты империалистов Фахреддинов и Тарджеманов в 1926 г. использовали разрешенный им хаджж в Мекку для передачи иностранным разведкам собранных ими шпионских сведений.

Антисоветский «право-троцкистский блок», установив связь с буржуазными националистами Узбекистана, настаивал на усилении блока с реакционным мусульманским духовенством в контрреволюционной работе. По показанию бандита Икрамова, обер-бандит Бухарин для того, чтобы помочь фашистам задушить власть рабочих и крестьян, расчленить СССР и превратить его в колонию империалистов, советовал «кулаков организовать, использовать религиозный фанатизм, привлечь духовенство и таким образом создать повстанческую организацию» [2].

Реакционное мусульманское духовенство помогало этим гнусным замыслам врагов народа. Активными членами орудовавшей в Балыкчинском районе Узбекистана банды

---

[1] И. Сталин—О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Партиздат 1937. Стр. 23.

[2] Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». Стр. 311.

буржуазных националистов являлись сын муфтия Султанов и организатор басмаческих шаек ишан Фатулла Матуллаев.

Орудовавшая в Аджарии контрреволюционная шпионско-повстанческая, террористическая, диверсионно-вредительская организация «имела регулярную связь с антисоветской аджарской эмиграцией. Бежавшие за границу бывшие беки Химшиашвили, Бибин-задэ и Абашидзе, а также ходжи молла [1] Ихван Гогоберидзе, молла Акиф Кипиани, Искандер Цивадзе и другие договорились с буржуазными кругами иностранных государств о том, что в случае восстановления буржуазного строя Аджария будет предоставлена иностранным капиталистам взамен помощи, которую они оказывали в развертывании контрреволюционной работы». По признанию бандита Кязима Басиладзе, они хотели свергнуть советскую власть, чтобы «бывшие беки, ходжи и агалары» могли «восстановиться в своих дореволюционных правах и получили бы свое имущество, которым сейчас пользуются крестьяне».

* * *

В капиталистических государствах корни ислама, как и всякой другой религии, главным образом социальные. «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» [2].

В СССР нет эксплоатации человека человеком, уничтожен классовый и национальный гнет, ликвидированы социальные корни ислама и всех других религий. Но религиозные пережитки, в том числе и мусульманские, в СССР имеются. Враждебные народу элементы поддерживают религиозные пережитки, пытаются разжигать религиозный фанатизм и стремятся использовать религию для своей подрывной деятельности.

Там, где не развернута должным образом антирелигиозная пропаганда, еще сильна реакционная деятельность духовенства. Муллы выступают здесь в роли не только священнослужителей, но и «врачей», «педагогов» и т. д.

Особенное внимание мусульманское духовенство обращает на молодежь. Муллы пользуются каждым ослаблени-

---

[1] Молла — то же, что мулла.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 419.

ем нашей бдительности, чтобы нанести нашему молодому поколению возможно больше идейного и физического вреда.

Не всегда еще эти гнусные попытки мулл встречают должный отпор. Есть случаи, когда даже комсомольцы подпадают под влияние мусульманского духовенства, исполняют религиозные обряды, посты, праздники и т. д.

Подобные факты имели место и в 1938, 1939 и 1940 гг. Так, в 1939 г. в Октябрьском районе Ташкента некоторые учащиеся школ №№ 23, 30 и 180 в день курбан-байрама не явились на занятия. В Пахтаабадском районе Таджикской ССР в 1939 г. молодежь была вовлечена в молитву, организованную мусульманским духовенством у одного из местных «святилищ». В Сталинском сельсовете Маргеланского района (Ферганская область, Узбекская ССР) в 1940 г. некоторые комсомольцы в дни курбан-байрама молились в мечети («Правда Востока» от 28 февраля 1940 г.). В колхозе имени Ворошилова Дешкеского аулсовета Калининского района (Ташаузская область, Туркменская ССР) тогда же учащиеся в день курбан-байрама вместо школы посетили обрядовое пиршество. Для организации этого пиршества в колхозе было «выделено три человека, которые ходили по квартирам и собирали продукты у колхозников; готовили пищу в мечети» («Комсомолец Туркменистана» от 6 марта 1940 г.).

Устраивая в дни курбан-байрама разные пиршества и побуждая к невыходу на работу и к непосещению школ, мусульманское духовенство пытается удержать отходящие от религии массы трудящихся, отвлечь их от строительства коммунистического общества.

Курбан-байрам как в прошлом, так и сейчас — реакционная сила, в поддержке которой заинтересованы только враги народа.

Сознательный трудящийся должен бороться против курбан-байрама, как и против всех других религиозных пережитков.

Под руководством великой партии Ленина — Сталина трудящиеся СССР в области хозяйственного и культурного строительства достигли величайших успехов. Жизнь трудящихся нашей великой родины радостна и счастлива; трудящиеся сами подлинные хозяева своей страны.

Коммунизм входит в быт, в жизнь трудящихся СССР. Все более и более широкие массы отходят от религии, в том числе и от ислама. В нашей великой Стране Сове-

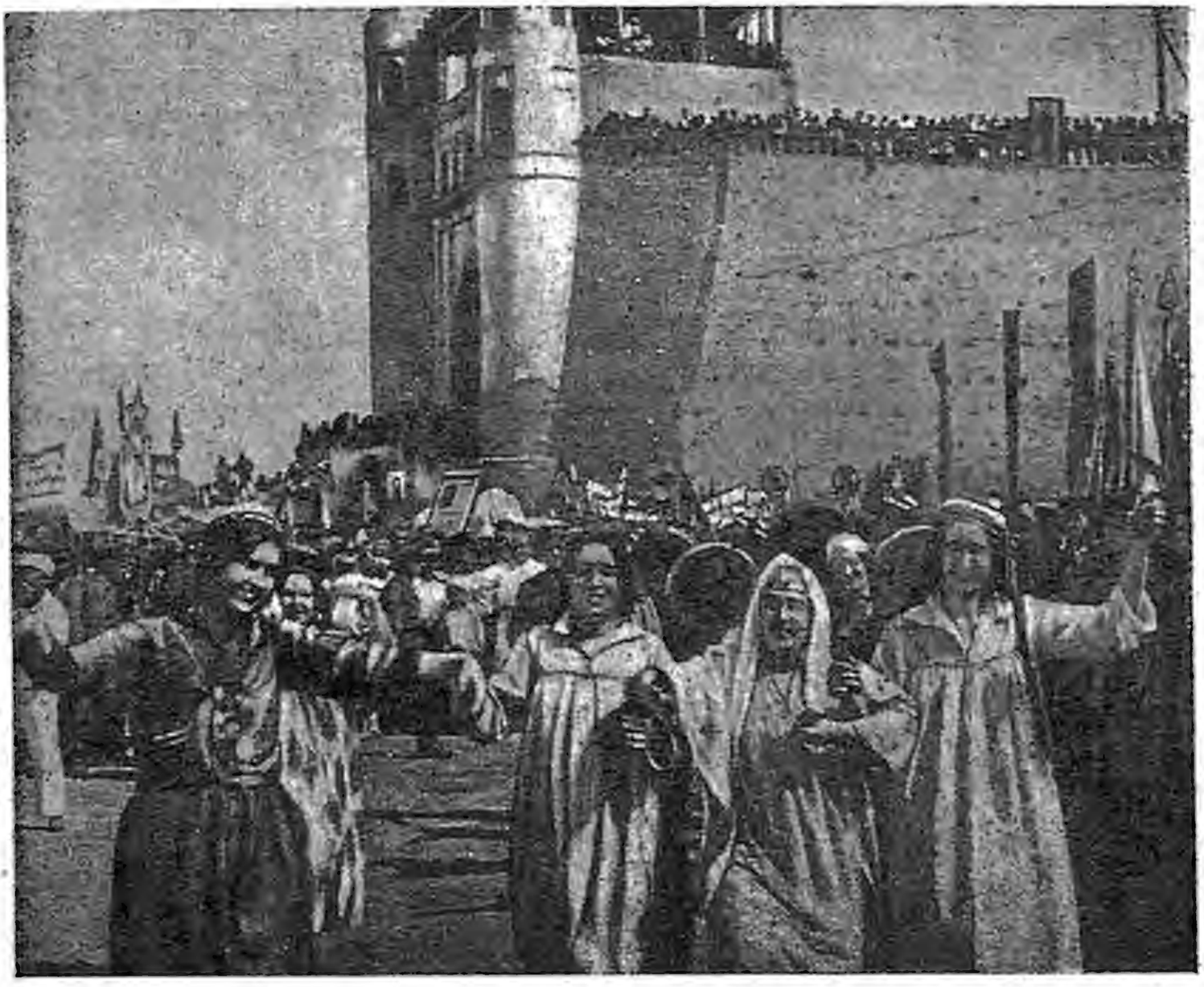
тов выковываются новые отношения людей друг к другу и к труду. Начало 1940 г. трудящиеся Таджикистана отметили новой победой социалистического труда, за 15 рабочих дней выполнив грандиозный план земляных работ на строительстве второй очереди Большого Ферганского канала имени Сталина. Грандиозный Ферганский канал — одно из величайших проявлений народной инициативы — построен в 1939 г. за 45 дней на протяжении в 270 километров;

Торжественные проводы колхозников Алтын-Кульского района (Узбекская ССР) на строительство Большого Ферганского канала

в 1940 г. он продлен еще на 79 километров. Строительство Большого Ферганского канала дало ценный опыт и антирелигиозной работы. Например, дни строительства второй очереди Большого Ферганского канала совпали с курбан-байрамом. В районе строительства «по всем колхозам были проведены беседы о реакционной сущности этого «праздника». В так называемый «праздник» колхозники вышли на работу все до одного, а выработка не только не снизилась, но на ряде участков (Канибадамский и другие) повысилась в полтора раза» («Строительная газета» от 16 марта 1940 г.).

Умело поставленная, вдумчивая антирелигиозная пропа-

ганда — верное средство борьбы против курбан-байрама, как и всяких других религиозных пережитков. Там, где об этом не забывают,— результаты налицо. Вот недавний факт. В Чебеньковском районе Чкаловской области комсомольцы-



В день Первого мая в Бухаре

агитаторы систематически ведут антирелигиозную пропаганду. Исключительную роль сыграли они во время курбан-байрама. «Они сумели убедить рабочих-казахов, которые не освободились еще от религиозных пережитков, не снижать в эти дни производительности труда. Ни один из них не сделал прогула» («Большевистская смена» от 18 марта 1940 г.).

Праздниками трудящихся СССР являются славные и радостные революционные даты: дни Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, день Сталинской Конституции и день Первого мая. 22 января трудящиеся от-

мечают день памяти гения мирового пролетариата В. И. Ленина и день начала первой революции в России — 9 января 1905 года.

Курбан-байрам, ураза, ураза-байрам, как и все религиозные пережитки, чужды и враждебны трудящимся. Против этих праздников и постов, как и других религиозных установлений, необходима систематическая и упорная антирелигиозная пропаганда. Борьба против религии — неотъемлемая часть дела коммунистического воспитания трудящихся.

Источники и пособия, использованные в работе[1]

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., тт. XV и XXI.

В. И. Ленин. Соч., т. VIII.

И. В. Сталин — О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г. Партиздат 1937.

«Азиатская Россия». Иллюстрированный географический сборник, составленный А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. Москва 1903 г.

Alberuni — Chronologie orientalischer Völker. Leipzig 1878.

«Антология азербайджанской поэзии». Москва 1939.

«Аравия и европейские державы». Сборник. Москва 1924.

В. Бартольд — Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. СПБ 1900.

F. Buhl — Das Leben Muhammeds. Leipzig 1930.

Аль-Бухари — Ас-Сахых. Т. I. Изд. булакское, 1289 г. хиджры.

F. Wüstenfeld — Vergleichungs-Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung... Leipzig 1854.

M. Garcin de Tassy — Mémoire sur les particularités de la religion musulmane dans l'Inde. Paris 1869.

И. Гольдциэр — Культ святых в исламе. (Мухаммеданские эскизы). ГАИЗ 1938.

«Друг хаджиев». Путеводитель... СПБ 1908.

Enzyklopaedie des Islam. Bde I u. II. Leiden — Leipzig.

G. Jacob — VI Jahresbericht der Geographischen Gesellschaft zu Greifswald. I. 1893—1896.

Ibn Hischam, Abd el-Malik — Das Leben Muhammeds nach Muhammed ibn Ishak... 2 Bde. Göttingen. 1858—1860.

То же. Aus dem Arabischen übersetzt v. Dr. G. Weil. Bde I u. II. Stuttgart 1864.

L. Caetani — Annali dell'Islam. Vol. III. (Seconda meta). Milano 1910.

«Записки Восточного отделения имп. русского археологического общества», т. XV. СПБ 1903.

«Кавказский календарь на 1854 год». Тифлис 1853.

Kitab al-Fihrist. Ed. Flugel.

Л. Климович — Ислам в царской России. ГАИЗ 1936.

A. Kremer — Geschichte der herrschenden Ideen des Islams. Leipzig 1868.

[1] Использованные архивные материалы оговорены в тексте.

Коран. Арабский текст и перевод на русский язык Г. С. Саблукова. Казань 1907.

А. Е. Крымский — История Персии, ее литературы и дервишской теософии. Москва 1909. Т. I, № 4. Москва 1915.

Lagrange — Antclogie arabe.

H. Lammens — Le berceau de l'Islam. Rome 1914.

Н. Я. Марр — Избранные работы. Т. IV. Ленинград 1937.

H. Massé — L'Islam. Paris 1930.

E. Mahler — Fortsetzung der Wüstenfeldschen Vergleichungs-Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung. Leipzig 1887.

М. А. Машанов — Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение к изучению ислама. Ч. I. Казань 1885.

Н. А. Медников — Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов. Исследование и приложения. СПБ 1897 — 1903.

Meidani — Arabum proverbia. Ed. Freytag 1839.

М. Нершахи — История Бухары. Пер. с персидского Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда. Ташкент 1897.

Th. Noldeke — Geschichte des Qorans. I. Leipzig 1909.

A. Raly — Christians at Mecca. London 1909.

Рабгузи — Кысас-аль-анбийя. Казань 1903.

Тоже. Рассказы о пророках. Пер. Н. Остроумова. Казань 1874.

«Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания». 1841—1901 гг. Издано с разрешения министра внутренних дел Оренбургским магометанским духовным собранием. 1901 года. Уфа 1902. На русском и татарском языках.

«Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания». 1886—1905. Издано Оренбургским магометанским духовным собранием. Уфа 1905. На русском и татарском языках.

А. А. Семенов — Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. Москва 1903.

«Современный Восток в цифрах и картах». Экономический справочник. Москва 1937.

A. Sprenger — Das Leben und die Lehre des Muhammad. Bd. III. Berlin 1865.

Statesman Year Book. 1929.

Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». Юридическое издательство НКЮ 1938.

Статьи, заметки и корреспонденции повременных изданий СССР («Наука и просвещение», «Восток», «Новый Восток», «Торговля СССР с Востоком», «Бюллетень прессы Среднего Востока», «Советская этнография», «Антирелигиозник», «Атеист»,«Воинствующий атеизм», «Материалы по национально-колониальным проблемам», «Доклады Академии наук СССР «В», газеты «Правда», «Известия ЦИК и ВЦИК», «Правда Востока», «Qzil Ozbekstan», «Казахстанская правда», «Туркменская искра», «Коммунист Таджикистана», «Toçikistoni surx», «Бакинский рабочий» и др. за ряд лет (с 1919 г.).

Статьи, заметки и корреспонденции повременных изданий дореволюционной России («Мир ислама», «Каспий» и др.) за ряд лет (с 1900 г.).

Статьи, заметки и корреспонденции иностранных журналов и газет («Revue du Monde Musulman», «Der Islam», «Islamica», «Near East and

India», «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Умм аль-кура» и др. за ряд лет (с 1912 г.).

М. Терентьев — Хрестоматии турецкая, персидская, киргизская и узбекская. С прил. почерков и таблицы летосчислений. Кн. 2-я. СПБ 1876.

«Указы кубинских ханов». Тбилиси 1937.

Дж. Фрэзер — Золотая ветвь. Москва 1928.

Омар Хайям — Четверостишия. Пер. с персидского и вступ. статья О. Румера. Москва 1938.

Hamasae Carmina cum Tebrisi scholiis... Ed. Freytag. Bonn.

Аш-Шахрастани — Китабаль-милаль ва н-нихаль. Ed. W. Cureton. Part I — II. London 1846 — 1847.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Происхождение и система мусульманского календаря 5

Ураза

Происхождение уразы 17
Эксплоататорская сущность и реакционная роль уразы 24
Ураза — вредный пережиток 33

Ураза-байрам 39

Курбан-байрам

Мусульманская сказка о происхождении курбан-байрама 50
Курбан-байрам — праздник древних арабов 56
Из древнеарабского — мусульманский праздник 65
Реакционная роль курбан-байрама за рубежом 75
Курбан-байрам—чуждый и враждебный народу пережиток 87

Источники и пособия, использованные в работе 101

Редактор Ранович А. Б.

Издание первое. Тираж 10 000 экз. Подписано к печати 24/II 1941 г.
Печ. л. 6,5 Печ. зн. в листе 37 440. Л13760 Цена в переплете 2 руб.
Зак. 1656

Школа ФЗУ ОГИЗа треста „Полиграфкнига". Москва, Хохловский, 17

ЦЕНА 2 РУБ.

АкР
4264
11426